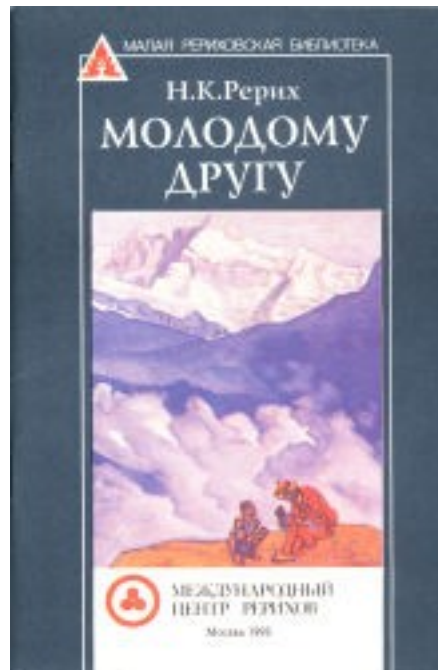

Н.К.Рерих МОЛОДОМУ ДРУГУ

Москва, Международный Центр Рерихов, 1993. - 100 с.

В книгу вошли очерки, эссе, статьи Н.К.Рериха, обращенные к молодому читателю. О вечных истинах и истинах, волнующих прежде всего молодежь, говорится в ней. Книга актуальна; она затрагивает проблемы, представляющие острейший интерес для современности.

МАЛАЯ РЕРИХОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Редакционная коллегия: А.Д.Алехин, Е.Б.Дементьева,
С.Н.Кайдаш, Л.В.Шапошникова

Составитель Е.Б.Дементьева
Редактор С.А.Пономаренко
Автор предисловия Т.С.Яковлева

© Международный Центр Рерихов, 1993.

Предисловие

"ДАТЬ РАДОСТЬ - ЭТО КАК УВИДАТЬ ВОСХОД СОЛНЦА"

Не открою Америки: нашей молодежи более известен Николай Рерих – художник, нежели Николай Рерих-публицист. В том нет его вины. До недавнего времени его публицистика, прежде чем дойти до нас, тщательно отмерялась на гомеопатических весах цензуры.

Можно бесконечно сожалеть, что во всей полноте, не таясь, она приходит к нам только сегодня. И вместе с тем есть какая-то непостижимая правда (или высшая мудрость жизни? или высшая ее тайна?), что именно в наши дни, которые нарекают смутными, в сложную переходную пору, когда прежние приоритеты и истины сокрушены и все сильнее жажда новых духовных ориентиров, – именно в это переломное время нам дано услышать не стесненный никакими запретами голос Николая Рериха.

Молодость – не возраст, а состояние мышления, – утверждает он. И сам до конца дней блистательно доказывал неоспоримость этого. Но собственно молодежь всегда занимала особое место в его раздумьях о жизни. "Молодежь", "Племя младое", "Молодому другу", – читаем мы в названиях его статей, очерков, дневниковых страниц. Последнее – "Молодому другу" – стало названием этой книги. Им создан стихотворный цикл "Мальчику". Строфы из него вы прочтете в эпиграфах к главам.

Но было бы ошибкой увидеть обращенность к молодежи только там, где она обозначена столь явно. В оркестре рериховской мысли "тема молодежи" возникает часто, иногда лейтмотивом, иногда неожиданно, словно попутно. Вот в далеких Гималаях, где он жил, зимой сорокового года он с радостью узнает, что в Москве чествовалась память Скрябина. "Кто-то любит его, – записывает в дневнике, – и трудится над его достоинством. Наверное, молодежь". Вот вспоминает художника Серова: "Молодежь верила в него, а это суд праведный..." Он хотел быть услышанным Россией, миром, человечеством, но, может быть, главным внутренним адресатом его была молодежь.

Его вера в молодежь была глубока и одновременно далека от духовной зависимости от нее, заискивания перед ней. От этой крайности так страстно предостерегал один из современников Н.К.Рериха, отец Сергей Булгаков. Взор Николая Рериха, устремленный к юношеству, – добросклонный и взыскующий. Взор надежды, столь естественный для человека, чьи мысли и дело выходят далеко за границы собственного земного существования.

Великая рериховская идея о необходимости Красного Креста Культуры – охранения культурных ценностей народов, идея, родившаяся в первые десятилетия века, сейчас все так же насущна и бесспорно перешагнет в век XXI. Мыслимо ли ее осуществление – в поколениях – без молодых рук, умов, сердец?

"Для кого все строится, собирается, запечатлевается? – писал Н.К.Рерих. – Прежде всего для той же молодежи". Молодежи, которая, приняв дар, сама будет "строить, собирать, запечатлевать" и понесет эстафету дальше, в века. Три красных круга на белом полотнище – прошлое, настоящее и будущее, замкнутые окружностью вечности на рериховском "Знамени мира". Так предложил он назвать флаг Красного Креста Культуры (всемирно известного "Пакта Рериха"). И знак этот, соединяющий времена в кругу вечности, когда узнаешь об отношении Рериха к молодежи, словно спускается с высоких ступеней символики, наполняясь живым человеческим содержанием.

Испокон века люди старшего поколения сетовали на молодежь: "Не та пошла! Вот в наши годы..." Время Рериха не было исключением.

"Много нападают на молодежь", – писал он: "Она поглощена спортом". "Она отшатнулась от гуманитарных предметов..." "Она не бережет чистоту языка и наполняет его всякими нелепыми, выдуманскими выражениями". "Она уходит от семьи". "Она предпочитает танцы..." "Она не хочет читать".

Не правда ли, знакомые и нашему времени упреки?

"Мало ли что говорят про молодежь, – размышлял Рерих. – Допустим, что все это так и

есть. Но если мы посмотрим в причины происходящего, то ведь прежде обвинения молодежи нужно призвать к ответу старшее поколение.

Много ли сердечности в семье? Притягательна ли домашняя обстановка? Есть ли возможность серьезных устремлений?.. Кто прокурил дом свой? Молодежь ли наполнила домашнее вместилище спиртными напитками? Хотят ли в семье говорить с молодежью? Устремлена ли семья к будущему? Где именно рождается равнодушие к добру и злу?.. Где впервые услышала молодежь анекдоты кощунственные? Где впервые слышат много разрушительного и очень мало созидательного?"..

Этот вызов – "К ответу старшее поколение!" – звучит и в сегодняшних дискуссиях о молодежи и часто, при всей кажущейся бесспорности, вызывает бурное противодействие: в нем видится односторонность, попытка "оправдать" молодых людей, снять с них ответственность за свои поступки, переложив ее на плечи старшего поколения. Но по отношению к Николаю Рериху, одному из создателей "Живой Этики", учения о неиспользованных возможностях человека, о творческих силах, которые таятся в глубинах его сознания, его души, по отношению к Рериху, с молодых лет глубоко увлекавшемуся самообразованием и самовоспитанием, такие упреки не состоятельны. Беря молодежь под крыло защиты, отводя от нее разного рода наветы, он в то же время, глубоко веря в ее духовные потенции, старался силой искусства, мысли, деятельности своей показать, внушить, как много в жизни зависит от нее самой.

Да, огульные нападки отвергал категорически. Возражал с решительностью: "Спросим себя: "Знаем ли мы молодежь, истинно трудящуюся?" - Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, несущую в семью все свои заработки?" – Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, сердечно мечтающую о будущем?" – Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, устремленную к серьезным книгам и обсуждениям?.. К поискам прекрасного? И так, мысленно перебирая все лучшие высоты человеческие, мы на каждой из них найдем и прекрасное выражение молодежи."

Считал, что именно к этим добрым примерам разумно прежде всего обращать общественное внимание: "Если молодые люди, иногда еще и неопытные, все же так мужественно и вдохновенно противостоят темным силам, то как же бережно нужно поддержать их тем, кто считает себя уже умудренным".

И старался сам – поддержать. Реальных, ему известных. Учеников из петербургской школы Общества поощрения художеств, директором которой он был. Своих сыновей. Членов молодежных секций "Пакта Рериха", возникавших в разных странах. Тех, кто искал с ним общения, писал письма, прося совета. И сотни, тысячи тех, которых он не знал, не видел и которым помогал своим словом, опытом жизни, провидческой мудростью.

Его слово поддержки так сильно, что сказанное десятилетия назад, воспринимаешь как сказанное сегодня.

Обращенность к молодежи, которой дышит наследие Николая Константиновича Рериха, имеет не только философские корни. В этом проявилось и одно особенное свойство его личности. "Дать радость, – говорил он, – это как увидеть восход солнца". Среди многих даров, которыми богато наделила его природа, принеся всемирную славу художника, мыслителя, литератора, общественного деятеля, ему был дан еще один дар – или поверх всех даров дар: душевная щедрость, потребность отдавать. Дар, отличающий Учителя и сделавший Николая Рериха величайшим просветителем XX века.

Дар этот, жалованный природой, усилен был российской почвой конца прошлого – начала нынешнего веков, насквозь пронизанной токами просветительства.

"Молодой друг", – говорил Рерих. И находил синонимы для этих слов: сотрудник, со-деятель. Так он понимал отношения с молодежью: со-деятельность, сотрудничество. В делах практических, на ниве борьбы за культуру, и в раздумьях о мире и человеке. Публицистические работы Н.К.Рериха – не свод истин, вещаемых Мудрецом, но приглашение к диалогу, к работе мысли и сердца, духовным исканиям, осознанию себя в мире.

"Истинная книга не может быть прочтена лишь однажды, – писал он. – Как магические знаки, истина и красота книги впитываются постепенно". В полной мере эти слова могут быть отнесены и к его работам. Истину и красоту их тоже постигаешь не сразу. Язык их поначалу может показаться иногда непривычным, иногда устаревшим (мы не скажем сегодня "фильма" вместо "фильм" или "кинемо" вместо "кино"), иногда трудноватым. Но приподняв завесу архаических слов и, казалось бы, давних фактов, вдруг открываешь для себя наисовременнейшую жизнь, сегодняшние наши тревоги, сегодняшние поиски выхода из духовных тупиков.

Как известно, безвременье больше всего бьет по молодежи. И как откровение, как путь указующий звучат ныне рериховские слова: "Нет такого ужаса, который, вызвав к жизни еще более напряженные энергии, не мог бы превратиться в светлое разрешение".

Вера в победу светлых начал в жизни у него не от прекрасноты. Долгие годы он прожил в горах, Гималаях, но никогда – в башне из слоновой кости. Не миражи, а реальный мир с его болями и страданиями был перед его глазами. Он ясно видел – и хотел, чтобы так же ясно видели и другие, и, может быть, в первую очередь, молодежь – два полюса в жизни: созидание и разрушение. И два человеческих полюса, два антипода: созидатели и разрушители; "вдохновители" и "тушители" всего святого. "Идите не с теми, – звал он, – у кого "нет" на первом месте. Пусть светлое "да" ободрит и поможет найти лучшую тропу". Его оптимизм – поиски выхода из тьмы, поиски "лучшей тропы", в основе этого оптимизма – философия созидания. Н.К.Рерих убежден: только "беспредельное строительство" может обратить жизнь в светлый праздник. "Воспитание, формирование мирознания, – подчеркивал он, – достигается синтезом, и не синтезом невзгод, но синтезом радости совершенствования и творчества". Даже само сосредоточение мысли только на разрушении считал разрушительным для личности: "Не будем останавливать мысль на разрушении, подумаем, какое светлое обновление жизни в руках нового поколения".

Он указывает "спасительные пристани" на пути к свету и одной из самых первых называет "стремление к честному и неограниченному знанию": "Знать – это уже будет преуспевать".

Мир спасет Знание.

Мир спасет Творческая мысль.

Мир спасет Культура.

"Человечество, – писал Н.К.Рерих, – привыкло к знаку Красного Креста. Этот прекрасный символ проник не только во времена военные, но внес во всю жизнь еще одно укрепление понятия человечности".

Увы, к знаку Культуры оно еще не привыкло и на исходе века.

"Особенно ужасно слышать, когда отягощенные кризисом люди, не очень плохие сами по себе, начинают говорить, что сейчас не время даже помышлять о Культуре", – это написано Н.К.Рерихом несколько десятилетий назад. Но разве это не о нас, сегодняшних? Разве сейчас мы не слышим: сначала – экономика, потом – культура? Или, что еще хуже, слова о культуре звучат самые высокие, а практика являет обратное: культуру упорно держат на пайке "остаточного принципа", разрушают, загоняют в "элитные" резервации, уже сейчас концерт или театр не каждому доступны.

"Эти ужасные "нельзя", "не время", "невозможно" приводят молодое сознание в тюрьму беспросветную" – как ко времени звучит эта горестная мысль Н.К.Рериха. И как же важно понять другую его – такую ясную – мысль: "Культура – источник жизни молодого поколения".

"Не нужно думать, что возможно помыслить о Культуре когда-то, переваривая пищу вкусного обеда, – писал он. – Нет, именно в голоде и холоде, как тяжелораненым светло горит знак Красного Креста, так же и голодным телесно и духовно будет светло гореть знак Культуры... Мысля о Культуре, нужно сказать и друзьям и врагам: будем действовать по способности, т.е. положим все силы наши во славу неотложного в своей живучести

творческого понятия Культуры."

"И свет во тьме светит, и тьма его не объят".

* * *

Сотни полотен в художественном наследии Николая Константиновича Рериха, великое богатство сокрыто и в его наследии публицистическом, его статьях, эссе, письмах, "Листах дневника". В этой книге – малая толика. Это – начало дороги к Рериху. Врата открыты – иди! И еще: не готовые ответы найдешь ты в этой книге, а путь к ним. Помните: "И свет во тьме светит..."

И, может быть, лучшим предварением предстоящего чтения будут слова самого великого художника и мыслителя:

Дар мой прими, милый друг!
Трудом и знаньем я накопил
Этот дар. Чтобы отдать его,
я сложил. Я знал, что отдам
его. На даре моем наслоишь
радости духа...

НЕБЕСНОЕ ЗОДЧЕСТВО

Мальчик, вниз не смотри!
Обрати глаза свои вверх.
Сумей увидеть великое небо.
Своими руками глаза себе
не закрой.

Н.К.Рерих

ЕЩЕ РАДОСТИ

Еще радости. Если мир сейчас скуп на радости, если мир сейчас погрузился в безобразное человеконенавистничество, то тем более хочется вспомнить об истинных радостях, которые слагали энтузиазм. Вот вспоминаю прекрасного "Принца и нищего" Марка Твена, который дошел к нам уже в первые школьные годы. Удивительно, как имя Марка Твена широко прошло по всей Руси и всюду несло с собой радость и светлое воодушевление. Писатель нашел подход к душе человеческой и рассказал просто и зовуще о вечных истинах. Многие из нашего поколения помянут добром это великое имя. Также вспоминаю и Золя, который в своем романе, посвященном битве за искусство Мане, был для меня вратами в познание искусства. Подошли и Шекспир, и Гоголь, и Толстой, и Вальтер Скотт, и Эдгар По. Иногда даже не знаешь, откуда и как доходили такие многозначительные книги, которые явились на всю жизнь поворотными рычагами, но они приходили как бы предназначенные, и тем сильнее запоминается эта радость [...]. А потом, через многие годы эти первые путевые вехи вырастают в целые монументы, и всегда хочется сказать этим известным и неизвестным авторам сердечную признательность. В шуме быта так много стирается, и тем замечательнее посмотреть, какой именно отбор сделает сама жизнь. История в конце концов отчеканивает характерные лики. Так же точно и в человеческой жизни остаются вехи нестираемые.

Обернешься назад и, как с холма, сразу видишь отметки на придорожных камнях. Почему-то говорят, что детство особенно ярко встает лишь с годами. Думается, что это не совсем верно, просто мы оборачиваемся пристальнее и ищем, где же те добрые вехи, которые помогли сложить весь последующий путь. Естественно, что к этим добрым вехам, первым и поразительным, обращается наше особое внимание. К ним – наша первая радость, наше первое воображение и наша первая признательность.

1939

ГЛАЗ ДОБРЫЙ

Добрый глаз редок. Дурной глаз в каждом доме найдется.

Мне говорили, что Станиславский заставляет своих учеников: "Умейте в каждой вещи найти не худшее, но лучшее".

Чуткий художник видит, что огромное большинство из нас с наслаждением служит культу худшего, не умея подойти ко всему, что радость приносит.

С великим рвением мы готовы произносить хулу перед тем, что нам не любо. Какое долгое время мы готовы проводить около того, что нам показалось отвратительным.

Встреча с нелюбимым порождает яркие слова, блестящие сравнения. И быстры тогда наши речи, и сильны движения. И горят глаза наши.

Но зато как медленно скучны бывают слова ласки и одобрения. Как страшимся мы найти и признать. Самый запас добрых слов становится бедным и обычным. И потухают глаза.

Удалось испытать одного любителя живописи. За ним ходил с часами и незаметно замечал время, проводимое им около картин. Оказалось, около картин осужденных было проведено времени слишком вдвое больше, нежели около вещей одобренных.

Не было потребности смотреть на то, что, казалось, доставило радость; нужно было потратить время на осуждение.

"Теперь знаю, чем вас удержать. – Надо окружить вас вещами ненавистными".

Мы, славяне, особенно повинны во многоглаголаний худшего. В Европе уже приходят к замалчиванию худого, конечно, кроме личных выступлений.

Если что показалось плохим, – значит, оно не достойно обсуждения. Жизнь слишком красива, слишком велика, чтобы загрязнять себя зрелищем недостойным. Слишком много радостного, много заслуживающего отметки внимания. Но надо знать бодрость и радость.

Надо знать, что нашему "я" ничто не может вредить. Останавливаясь перед плохим, мы у себя отнимаем минуту радости. Удерживаем себя вместо шага вперед.

Учиться радости, учиться видеть лишь бодрое и красивое! Если мы загрязнили глаза и слова наши, то надо учиться их очистить. Строго себя удержать от общения с тем, что не полюбилось.

И у нас жизнь разрастется. И нам недосуг станет всматриваться в ненавистное. Отойдет ликование злобы.

И у нас откроется глаз добрый.

1913

НЕБЕСНОЕ ЗОДЧЕСТВО

От самых ранних лет небесное зодчество давало одну из самых больших радостей. Среди первых детских воспоминаний прежде всего вырастают прекрасные узорные облака. Вечное движение, щедрые перестроения, мощное творчество надолго привязали глаза ввысь. Чудные животные, богатыри, сражающиеся с драконами, белые кони с волнистыми гривами, ладьи с цветными золочеными парусами, заманчивые призрачные горы – чего только не было в этих бесконечно богатых, неисчерпаемых картинах небесных. Без них и охота, и первые раскопки не были бы так привлекательны. И в раскопках, и в большинстве охот глаз все-таки устремлен вниз, и это не наскучит, лишь зная, что вверху уже готова заманчивая картина. Сколько раз из-за прекрасного облака благополучно улетал вальдшнеп или стая уток и гусей спасалась неприкосновенно. Курганы становились особенно величественными, когда они рисовались на фоне богатства облаков. На картине "Морской бой" первоначально все небо было занято летящими валькириями, но затем захотелось их убрать, построив медно-звучащие облака, – пусть сражаются незримо. Картины "Небесный бой", "Видение", "Веление неба", "Ждущая. Карелия" и многие другие построены исключительно на облачных образованиях. Прекрасна и небесная синева, особенно же когда на высотах она делается темно-ультрамариновой, почти фиолетовой.

Когда мы замерзали на Тибетских нагорьях, то облачные миражи были одним из лучших утешений. Доктор говорил нам, прощаясь вечером: "До свидания, а может быть, и прощайте, – вот так люди и замерзают". Но в то же время уже сияли мириады звезд, и эти "звездные руны" напоминали, что ни печаль, ни отчаяние неуместны. Были картины "Звездные руны" и "Звезда героя", и "Звезда матери мира", построенные на богатствах ночного небосклона. И в самые трудные дни один взгляд на звездную красоту уже меняет настроение; беспредельное делает и мысли возвышенными.

Люди определенно делятся на два вида. Одни умеют радоваться небесному зодчеству, а для других оно молчит, или, вернее, сердца их безмолствуют. Но дети умеют радоваться облакам и возвышают свое воображение. А ведь воображение наше – лишь следствие наблюдательности. И каждому от первых дней его уже предполагается несказуемая по красоте своей небесная книга. Была и картина "Книга голубиная".

1939

ТУШИТЕЛИ

Все человечество делится на два вида – тушители и вдохновители. На каждого доброго, жизнерадостного вдохновителя найдется десяток мрачных тушителей. Кто их знает, откуда они берутся.

Можно бы думать, что всякие земные невзгоды притупили в них добро и радость. Но среди тушителей найдутся и такие, кому живется не плохо. Казалось бы, и судьбой не обижены, и пути им не закрыты, никто их не ущемляет, а вот погоди те же! – сами из кожи вон лезут, чтобы хоть что-нибудь умалить. Выгоды они никакой не получают. Наталкиваются на чувствительные удары, но все же продолжают свое вредительство.

Кому вредят? За что вредят? Вероятно и сами подчас не знают. Уж не болезнь ли особая? Может быть "завистливая лихорадка" или "судорога ненависти"? Не придумать ли звонкое латинское название? Среди врачебной помощи можно прописать ледяной душ – пока не одумаются.

Некоторые отнесут такие эпидемии к зависти. Но это не определительно. Казалось бы, двуногий может завидовать лишь человеку. Но можно убедиться, что тушители извергают злобную слюну решительно против всего сущего. Даже солнечный день и тот оговарят. В любом настроении хоть что-нибудь им ненавистно.

Повсюду проявились два типа. Одни начинают осуждать от хорошего, но другие даже первое свое слово направляют в осуждение. Они не будут искать доказательств. Просто, де, не нравится. И в этом заскрипит самая ржавая самость.

Тушителей не исправить. Как бы неизлечимая мозговая болезнь. Кто знает – может быть хроническое разжижение мозга. Но опасность в том, что эти носители микробов заражают все на пути своем. Как говорится: "и трава не растет на следу их!"

Они прикидываются авторитетами. Запасаются иностранными терминами. Окутываются лживою ласковостью. Полны всяких уловок – лишь бы повлиять на слушателей, лишь бы протолкнуть разложение в мозг молодежи. Они особенно охотятся за молодежью. Опасайтесь!

Опасайтесь всех тушителей на всех путях их. Идите не с теми, у кого "нет" на первом месте. Пусть светлое "да" ободрит и поможет найти нужную тропу. Вдохновение – жизнь. Разложение – смерть. Красиво само слово вдохновение. Ко злу – отвращение. К добру – вдохновение.

1939

КРАСНЫЙ КРЕСТ КУЛЬТУРЫ

Читаем в газете телеграмму из Нью-Йорка о 800 000 безработных в одном этом городе. В Штатах число безработных превысило двенадцать миллионов. При этом мы знаем, какое множество интеллигентных работников, конечно, не включено в эту цифру, но испытывают нужду, безработицу не меньшую. Такие цифры истинное несчастье; они показывают, что кризис не только вошел во все слои общества, но уже является разрушительным фактором. В той же почте сообщается о том, что само существование Метрополитен-оперы находится в опасности. Письма сообщают не только о новых урезываниях просветительных учреждений, но и о многомиллионных потерях такими людьми, которые считались незыблемыми столпами финансовой мудрости.

Когда на наших глазах потрясаются основы этой многожителейской мудрости, то не является ли это знаком, что эти материалистические основы дошли до какого-то предела и уже изживаются? И не является ли это знамение еще одним свидетельством о том, что нужно из праха поднимать забытые, запыленные знамена духа, чтобы противопоставить очевидному для всех разрушению ценности незыблемые?

Когда же, как не теперь, должны быть зажигаемы сердца детей свидетельствами о подвигах, об истинном образовании и познании. Может быть, еще не было такого времени, когда самым спешным порядком нужно входить в трудности семьи и на основании всех исторических примеров указывать, чем именно были преоборены многократно возникавшие в истории человечества кризисы.

Ведь нельзя более скрывать, что кризис произошел, невозможно утешаться тем, что какой-то новый однодневный сбор накормит всех безработных и голодающих. Совершенно очевидно, что случившееся гораздо глубже.

Уже давно народная мудрость сказала: "Деньги потеряны, ничто не потеряно, но мужество потеряно, все потеряно". Сейчас приходится вспомнить об этой мудрой пословице, ибо о кризисе стало принято говорить: и пострадавшие, и почему-то мало пострадавшие стали одинаково ссылаться на кризис, одинаково подрезая все инициативные, творческие устремления.

Так, если не будут приняты основные противодействия, то, быть может, этот кризис явится лишь прологом чего-то еще более грандиозного.

Мы, оптимисты, прежде всего должны предотвращать всякую панику, всякое отчаяние, будет ли оно на бирже или в священнейшем святилище сердца. Нет такого ужаса, который, призвав к жизни еще большее напряжение энергии, не мог бы претвориться в светлое

разрешение. Особенно ужасно слышать, когда отягощенные кризисом люди, не очень плохие сами по себе, начинают говорить, что сейчас не время даже помышлять о Культуре. Мы уже слышали подобные недопустимые в робости и отчаянии своем голоса.

Нет, милые мои, нужно именно сейчас спешно думать не только о Культуре как таковой, но прилагать этот источник жизни молодому поколению. Можете себе представить, во что превращается едва начавшее слагаться мирозерцание юношества, если оно будет слышать и в школе и в семье своей лишь ужасы отчаяния. Если оно будет слышать лишь о том, что нужно отказаться от самого животворного, что нужно забыть о самих источниках жизни и прогресса.

Эти ужасные "нельзя", "не время", "невозможно" приводят молодое сознание в тюрьму беспросветную. И ничем, ничем на свете вы не осветите эти потемки сердца, если они так или иначе были допущены. И не только о юношестве должны мы мыслить, в то же время мы должны думать и о младенчестве. Каждый воспитатель знает, что основы мирозерцания, часто неизгладимые на всю жизнь, складываются вовсе не в юношеские годы, но гораздо, гораздо раньше. Часто лишь молчаливый взгляд дитяти говорит том, что окружающие обстоятельства для него вовсе не так уж недоступны, как кажется гордыне взрослых. Сколько основных проблем разрешается в мозгу и сердце четырехлетнего, шестилетнего ребенка!

Каждый наблюдавший развитие детей, конечно, припомнит те замечательные определения, замечания или советы, которые совершенно неожиданно произносились ребенком. Но, кроме этих гласных выражений, какое множество искр сознания освещает молчаливый взгляд детей! И как часто эти малыши отводят свой взгляд от взрослых, точно бы оберегая какую-то решительную мысль, которую, по мнению детей, старшие все равно не поймут.

Вот этот прозорливый ум ребенка и нужно занять именно сейчас самыми светлыми мыслями.

Разве не время именно сейчас в школах, начиная от низших классов, прийти с увлекающей и вдохновляющей вестью о подвигах человечества, о полезнейших открытиях и о всем светлом Благе, которое, конечно, суждено и лишь по неосмотрительности не подобрано.

Мы начали с упоминания о Нью-Йорке, пораженные последним газетным сообщением, пораженные тем, что в, казалось бы, богатейшем городе городскому управлению неотложно нужны десятки миллионов, чтобы предотвратить голод: повторяем это газетное сообщение, ибо оно не только не далеко от истины, но по существу оно даже не выражает всю истину. Сообщенное о Нью-Йорке, конечно, относится и ко всем городам, и не только Америки, но всего мира. Часто эта сведения закрыты или условными ограничениями, или беспросветною пылью извержений. Сейчас пишут из Южной Америки, приводя отчет аэропланов, посланных в пораженные катаклизмом местности, – "ничего не видно". Действительно, из многих мест земного шара "ничего не видно". А когда мгла извержения рассеивается, то мы видим еще большее смятение духа человеческого.

Тот, кто усматривает сейчас несомненность кризиса, вовсе не есть Кассандра в зловещих пророчествах (которые в случае Кассандры оправдались). Подающий сигнал о кризисе сейчас просто подобен тому стрелочнику на железной дороге, который, усмотрев неминуемость крушения, поднимает флаг предупреждения машинистам, всем сердцем надеясь, что они бодрствуют и увидят эти сигналы. Уподобимся этому стрелочнику.

Поднимем знамя охранения Культуры! Вспомним о предложенном еще в прошлом году всемирном Дне Культуры, о школьном дне, когда сказания о лучших достижениях человечества, вместо обычных уроков, светлую вестью могут зажечь молодые сердца. Если в прошлом году мы мыслили о Лиге молодежи и хотя бы об одном дне, выявляющем сад прекрасный человечества, то теперь мы видим, что спешность этого выявления лишь умножилась. Один день уже не укрепит все то сознание, которое расшатано общественными и семейными невзгодами. Чаше нужно говорить о спасительном, творящем, вдохновляющем начале.

Воспитать – это не значит только дать ряд механических сведений. Воспитание, формирование мирознания достигается синтезом, и не синтезом невзгод, но синтезом радости совершенствования и творчества. Если же мы пресечем всякий приток этого радостного осветления жизни, то какие же мы будем воспитатели? Какое же образование может дать педагог, распространяющий вокруг себя печаль и отчаяние? Но недалеко от отчаяния подделка под радость, и потому всякая насильственная улыбка недаром называется улыбкой черепа. Значит, и нам самим нужно убедиться в том, насколько нужна и жизненна программа Культуры как оздоровляющее начало, как жизнедатель.

Из медицинского мира мы знаем, что так называемые лекарства-жизнедатели не могут действовать скоропостижно. Даже для самого лучшего жизнедателя нужно время, чтобы он мог проникнуть во все нервные центры и не только механически возбудить их (ведь каждое возбуждение влечет реакцию), но должен действительно укрепить и оздоровить нервное вещество. Если мы видим на всех примерах жизни нужность известного времени для процесса оздоровления, то как же неотложно нужно подумать и начать действовать под знаком, подобным Красному Кресту Культуры?

Человечество привыкло к знаку Красного Креста. Этот прекрасный символ проник не только во времена военные, но внес во всю жизнь еще одно укрепление понятия человечности. Вот такое же неотложное и нужное от малого до великого и должен дать, подобный Красному Кресту, знак Культуры. Не нужно думать, что возможно помыслить о Культуре когда-то, переваривая пищу вкусного обеда. Нет, именно в голоде и холоде, как тяжелораненым светло горит знак Красного Креста, так же и голодным телесно и духовно будет светло гореть знак Культуры.

Время ли препятствовать, протестовать, не соглашаться и привязываться к мелочам? Когда по улице следует повозка Красного Креста, то для нее останавливают все движение. Так же и для неотложного знака Культуры нужно хоть немного поступиться привычками обыденности, вульгарными осадками и всеми теми пыльными условностями невежества, от которых все равно рано или поздно придется очищаться.

Людам, не прикасавшимся близко к вопросам воспитания, знак Культуры может показаться интересным опытом; конечно, не скрою, что этим самым такие люди покажут лишь свое недостаточное историческое образование, но, если кому-то это покажется опытом, согласимся и на том, ибо никто не скажет, что этот опыт может быть разрушительным или разлагающим. Созидательность мышления о Культуре настолько очевидна, что смешно говорить об этом.

Во время серьезной опасности на корабле следует команда: "Действовать по способности".

Вот и сейчас, мысля о Культуре, нужно сказать и друзьям и врагам: будем действовать по способности, т.е. положим все силы наши во славу неотложного в своей живоносности творческого понятия Культуры.

"И свет во тьме светит, и тьма его не объят".

Пусть светит Знамя охранения всего Прекрасного. Пусть сияет Знамя Мира!

О МИРЕ ВСЕГО МИРА

Имейте в себе соль и мир
имейте между собою

"О Мире всего Мира". Не будет ли его моление одной из величайших утопий? Так говорит очевидность. Но сердце и действительная сущность продолжает повторять эти высокие слова как возможную действительность. Если прислушаться к голосу поверхностной очевидности, то ведь и все заповеди окажутся неисполнимой утопией. Где же оно – "Не убий", "Не укради"? Где же оно – "Не прелюбы сотвори"? Где же оно – "Не послушествуй на ближнего своего свидетельство ложно"? Где же исполнение и всех прочих простых и ясно звучащих основ Бытия? Может быть, какие-то умники скажут: "К чему и твердить эти указы, если они все равно не исполняются?"

Каждому из нас приходилось много раз слышать всякие нарекания и предостережения против утопий. От детства и юношества приходилось слышать житейские советы не увлекаться "пустым идеализмом", а быть ближе к "практической жизни". Некоторые молодые сердца не соглашались на ту "практическую жизнь", к которой их уговаривали "житейские мудрецы". Некоторым юношам сердце их подсказывало, что путь идеализма, против которого остерегали старшие, есть наиболее жизненный и заповеданный. На этой почве идеализма и "житейской мудрости" произошло множество семейных трагедий. Кто знает, в основе чего легли многие самоубийства – эти самые неразумные разрешения жизненных проблем? Ведь "житейские мудрецы" не остерегли вовремя молодежь от страшного заблуждения, приводившего даже к самоубийству. Когда же эти постепенно обреченные молодые люди спрашивали старших, будут ли в предполагаемой практической жизни исполняться заповеди добра, старшие иногда махали рукой, кощунственно шепча: "Все простится". И возникало между этим "все простится" и заповедями жизни какое-то неразрешимое противоречие. "Житейские мудрецы" готовы были обещать все, что угодно, лишь бы остеречь молодежь от идеализма. Когда же юношество погружалось в условную механическую жизнь, то даже книжники и фарисеи всплескивали руками. Но спрашивается, кто же повел молодёжь на кулачный бой, на скачки, на развратные фильмы? Не сами ли "житейские мудрецы", со вздохом повторяя "не обманешь – не продашь", усердно создавали разлагающие условия жизни? Когда-то говорилось: "Сегодня маленький компромисс, завтра маленький компромисс, а послезавтра большой подлец".

Именно так, в самых маленьких компромиссах против светлого идеализма загрязнились воображение и сознание. Темнота сознания начинала шептать о неприложимости в жизни Заповедей. Именно эта ехидна сомнения начинала уверять в ночной темноте, что Мир всего мира есть чистейшая утопия.

Но это моление когда-то и кем-то было создано не как отвлеченность, но, именно, как приказный призыв о возможной действительности. Великий ум знал, что Мир всего мира не только возможен, но и есть тот великий спасительный магнит, к которому рано или поздно пристанут корабли путников. На разных языках, в разных концах Земли, повторяется и будет повторяться это священное моление. Неисповедимы пути, не людям предрешать, как, где и когда осуществится идеализм.

Действительно, пути непредрешимы. Но конечная цель остается единой. К этой цели поведут и все проявления того идеализма, так часто гонимого житейской премудростью. Также будет день, когда так называемый идеализм будет понят не только, как нечто самое практичное, но и как единственный путь в решении прочих житейских проблем. Тот же идеализм породит и стремление к честному, неограниченному знанию, как одной из самых спасительных пристаней.

Идеализм рассеет и суеверия и предрассудки, которые так убийственно омертвляют жизненные стремления человечества. Если бы кто-то собрал энциклопедию суеверий и

предрассудков, то обнаружилась бы странная истина о том, насколько многие эти ехидны и до сих пор проживают даже среди мнящего себя просвещенным человечества. Но поверх всех смут добро поет о мире и благоволении. Никакие пушки, никакие взрывы не заглушат этих хоров. И несмотря на все "житейские" ложномудрости, идеализм, как учение блага, все же останется самым быстро достигающим и самым обновляющим в жизни. Сказано: "Порождение ехидны! Как вы можете говорить доброе, будучи злы?" Именно, злосердечие будет нашептывать о том, что всякое благоволение не действительно и не своевременно. Но будем твердо знать, что даже Мир всего мира не есть отвлеченность, но зависит лишь от доброжелательства и благоволения человечества. Потому всякое увещание по сохранению всего самого высокого и самого лучшего, именно, своевременно и облегчает пути кратчайшие.

Пусть благие символы, пусть самые благожелательные знамена развеваются над всем, чем жив дух человеческий.

1934

ЭЗОПОВА БАСНЯ

"Скажи мне с кем ты, и я тебе скажу – кто ты есть".

Итак, некие собаки облаяли караван. По справедливости нужно сказать, что ни один из этих псов никак не пригодился бы в караване. Разве не замечательно, что вся темная стая подобралась так явно и по такому естественному подбору, что ни одного животного из них вы и не могли бы приобрести себе. Есть в них и маленькие, кривоногие, рыжие собачонки, есть и пегие кобеля, есть и черные слюноточивые ублюдки, есть и колченогие, есть и бесхвостые. Казалось бы, выбор не малый. Но эта внешняя разница чисто кажущаяся. Внутренний смысл всей этой своры очень своеобразен. Та же подлость, та же жестокость и кровожадность, та же увертливость и лживость всех вывертов. Разве не удивительно, что сбежалась свора от разных концов, и кормленные, и голодавшие, и борзые, и колченогие – по звериному инстинкту сбежались многие и лают они на проезжих, как по заказу. Думает путник, кто же и каким способом собрал всю эту вшивую команду? Почему же непременно какие-то уроды, запятнанные кровопролитием и всяким обдирательством, должны собраться в одну свору и, задравши хвосты, бегать по деревне? Как будто и время сейчас далеко не весеннее. Как будто и коты на крышах еще не начали серенады, а кудластая свора уже спущена и бегаёт, рыча и тявкая. И как это случилось, что ни одной мало-мальски породистой собачонки не пристало к оголтелой стае. Есть же такие законы в природе, по которым – как в человекообразном, так и в животном царстве – "рыбак рыбака видит издалека". Давнишние трактаты о естественном подборе недалеки от истины. Правда, иногда "в семье не без урода", но чаще всего – "яблоко от яблони недалеко падает". А если заведется в стволе дерева червивость, то и плоды такого дерева гнилы.

Одни ямщики любят ответить на собачий лай лихим кнутом, а другие ухмыльнутся – "пусть себе горло дерет". Но коли попадетя шавка под пристяжную, ямщик только скажет – "достукалась bestия".

Bestия – слово латинское. Значит оно зверь, животное. Много оно избродило по свету, ибо в самых разных обстоятельствах требовалось это обозначение. Животность и звероподобность не раз поражали человеческое мышление. Всевозможными способами человечество пыталось отделаться от звериных инстинктов. Худшие из человеческих состояний, именно, отмечались наименованием звериности и жестокости. Говорят, что лишения и страдания очищают человеческое сознание.

Спрашивается, какие же еще страдания нужны? Какие же еще лишения должно претерпеть человечество, чтобы отрешиться от низкой животности? Кто-то говорит, что еще какие-то катастрофы должны пронестись над затуманенной нашей Землею. Некто

утверждает, что какие-то острова должны провалиться, какие-то новые моря должны возникнуть, но какие же размеры этих новых водных пространств должны быть, чтобы люди серьезно об этом задумались? Плачевно подумать, что люди так легко привыкают даже к самым ужасным положениям вещей. Точно бы требовалась какая-то ускоренная прогрессия воздействий, чтобы современное мышление озадачилось и помыслило о путях ближайшего будущего.

Говорят, что многие из современной молодежи прежде всего смотрят в газетах на страницу спорта и кинемо. Говорят, что многие затруднятся в перечислении самых выдающихся философов, а в то же время безошибочно перечислят бойцов и борцов, и звезд фильмы. Может быть, это и не совсем так, но рассказы профессоров и школьных преподавателей заставляют задуматься о современном течении мысли. Так же точно все это заставляет помыслить, что же именно толкнуло теперешнее поколение на такие крайности. Кто читал о последних годах Римской империи или Византии, тот с изумлением мог бы найти многие параллели. Среди них бросится в глаза необыкновенное устремление к цирку, к гладиаторам, к конским гонкам и ко всяким условным призам. Разве и теперь каждая деревня, а скоро каждая улица, не будет иметь свою королеву красоты, или свою замечательную руку, или ногу, или свой особенный волос. Точно бы ничем другим не может вдохновляться человеческое воображение, а в то же время неразрешимая механическая проблема загромождает течение прогресса.

Все государства, все учреждения, все частные лица живут вне бюджета, лишь умножая какой-то общеземной долг. Эта материальная задолженность не ограничится одними земными, механическими условиями – она перейдет в другую, гораздо более опасную задолженность, и если планета окажется духовным должником, то этот страшный долг может быть тяжким препятствием всего преуспевания.

"Собаки лают – караван идет", – так говорит оптимизм, а пессимизм вспоминает, как стаи озверелых собак пожрали часового у порохового погреба. Осталось от него – винтовка, тесак и несколько пуговиц. И каждый прохожий мог после случившегося беспрепятственно поджечь этот погреб и наделать непоправимый вред. Но будем следовать по путям оптимизма и примем каждый собачий лай, как знак того, что движется нечто новое, полезное, неотложно нужное. Иногда даже горчайшие знаки пессимизма будут лишь тем естественным подбором, который во благо строительства все равно должен свершаться.

Особенно ужасны чудовища, когда они скрыты во тьме, но когда они так или иначе вылезают к свету, то даже самые их безобразные гримасы перестают быть страшными. Знать – это уже будет преуспевать.

1934

ПРЕДЕЛЫ

Разные газеты сообщают одновременно несколько предельных сведений, В одной под заголовком "Во что верят эти нелепые люди?" сообщается:

"На всемирной выставке в Чикаго состоялся самый дикий обряд венчания, совершавшийся когда-либо.

В той части выставки, которая носит название "Мир миллионы лет тому назад", среди моделей динозавров, бронтозавров, трицератпосов и прочих доисторических чудовищ были обвенчаны двое нудистов.

Во время церемонии на невесте была только ... улыбка, а на женихе ... серьезное выражение лица.

На подружках, шаферах, гостях и т.д. не было буквально не только что нитки, но даже фигового листка.

Один лишь пастор несколько нарушал общую картину, так как был одет в ... козью шкуру.

Новобрачная принадлежала к колонии нудистов в Индиане, а ее молодой муж к колонии на Миррор-Лок, в штате Висконсин.

После венчания молодожены надели платье и отправились в колонию мужа, чтобы там устроиться своим домом. Они подумали обо всех необходимых вещах для дома, за исключением ненужного им платья".

Другая газета под заголовком "Черные мессы в Лондоне" приводит сведения из "Дейли Мэйл" о раскрытии масонской организации, устраивавшей в столице "черные мессы".

"На этих мессах горят черные свечи, подаются черный хлеб, черное вино и т.д. Участники мессы исповедуются друг другу в совершении добрых поступков и выражают по поводу каждого такого поступка глубокое раскаяние. Затем начинается оргия".

После таких кошунственных мерзостных сообщений третий журнал под заголовком "Танцуете ли вы кариоку?" говорит:

Теперь на очереди новый танец – "кариока", – новое увлечение, новое безумие... Как и прежние новинки, "кариока" – родом из Америки. Правда, нового в нем, – увы! - почти ничего нет... Он характеризуется только тем, что его танцуют, упершись лбом в лоб партнера..."

При всем своем разнообразии эти три сведения указывают на одно и то же безумие мира. Конечно, записываем их совершенно случайно, именно только ввиду одновременности опубликования их, но этот траурный синодик мог бы вырасти во множество фактов, о которых пресса или не сообщает, или они пропадают ввиду обыденности мелкого шрифта.

К сожалению, всякие подобные сообщения появляются не только в поразительном разнообразии, но даже в необыкновенной, ускоренной прогрессии. Нельзя думать, что все эти постыдные гримасы человечества стали уже обычными. Предположить такую ускоренную мерзость и одичание было бы уже пессимизмом. Но обнаружение всякой эпидемии не есть пессимизм, наоборот, оно должно быть уже началом оздоровления. Если мы знаем врага, то уже это будет вратами к победе. Так же и в отношении безбоязненного обнаружения кошунственных безнравственных ухищрений. Каждое обнаружение их будет в какой бы то ни было степени уже преградой для усугубления этих мрачных служений.

Только подумайте об изобретении бодающегося танца! До сих пор люди с сожалением смотрели на сцепившихся рогами баранов и при этом говорили: "Вот уж подлинно бараны!". А теперь люди в танце будут подражать низшим существам, и, может быть, какой-нибудь предприниматель додумается снабдить танцоров крючковатыми рожками для прочности сближения. Спрашивается, почему же гордые белые люди так глумились над разными непонятными им иноземными обычаями? Ведь упомянутый новый танец явился бы достаточным опровержением гордости белых. Или разве можно себе представить что-либо кошунственнее бракосочетания нудистов, причем потребовался пастор, одетый в козью шкуру. В этих подробностях скрыт какой-то мрачный, кошунственный смысл. Неужели же мог найтись чудовищный пастор, пожелавший облечься в шкуру козла? Конечно, мы повторяем сообщения газет, но имеем ли мы возможность предположить ложность этих сообщений? Если же они ложны, то должны последовать и соответствующие опровержения. Но по современному положению вещей можем ли мы вообще предположить эту ложность? Козлиная шкура пастора невольно связывается и с газетным сообщением о "черной мессе".

Многие, вероятно, думают, что "черная месса" есть лишь продукт темных романов и всяких нечистоплотных выдумок, но, к сожалению, сведения об этих кошунствах с убедительною конкретностью возникают повсюду. Если же к ним приложить и другие ужасные проявления человеческих падений, то к великому прискорбию и этот позор нашего века окажется реальным.

Мерзость и все тенета тьмы начинаются от весьма малого, почти неотличимого в суете житейской. Но и эти малые темные зерна в своем мрачном потенциале вырастают до величайших кошунств. И люди совершенно забывают, что кошунство не будет ни малым, ни большим; каждое кошунство есть проявление величайшего невежества, глубокого одичания и

представляет из себя великое позорное преступление. Недаром в древнейших учениях невежество называется величайшим преступлением. Ведь невежда не только вредит самому себе, но он совращает и вредит всему человечеству, он заражает всю атмосферу. Потому кощунственное невежество не есть преступление лично, это есть служение тьме, оно есть та действенная мерзость, которая истребляет созидательные достижения и низводит человека в смуту хаоса.

Не подумаем, что мрачный хаос есть нечто отвлеченное, не забудем, что огонь может быть – огонь творящий и огонь поедающий. А также не забудем, что человеческое собрание должно бы лишь приумножать блага и не быть источником низвержения во тьму. Льстивые тушители, пожалуй, скажут: "Можно ли так настойчиво подчеркивать какой-то танец или козлиную шкурку пастора?" Пусть эти соглашатели уяснят себе, что из одной козлиной шкурки может вырасти, и уже вырастает, целая "черная месса". Опять не забудем же, что человеческая безответственность, которая не должна допустить богохульных кощунств, является договором и путеводителем к неизлечимым болезням земным.

Именно в наши дни многое, казавшееся смутной отвлеченностью, делается очевидной реальностью. Сердечное сознание упорно подсказывает, что исполняются пределы заблуждений. Коснеет невежество, пышно окружаясь нелепыми условностями, и дух человеческий вопиет и предостерегает: "Не дойдем до пределов!".

1934

ЖЕСТОКОСЕРДИЕ

"...Ибо, что блокада не могла отрезать и что было даже проталкиваемо врагом – это были вести, мертвящие, каждодневные, деморализующие слухи, доносящиеся об оргии святотатства и вандализма в Риме, о бешенстве фанатического иконоборчества, о том, что собор Святого Петра обращен в конюшню и ландскнехты ставят своих коней в Станцах Рафаэля в Ватикане, об извержении из гробницы тела Папы Юлия, об отрубании голов Апостолов, о шествии лютеран с копьем Святого Лонгана, о святотатстве над платом Святой Вероники, о вторжении в Святое Святых, о ночных бесчеловечных жестокостях, о кардинале в шутовском погребении и воскресении в своем гробе, об убиении аббата за отказ отслужить мессу мулу; – весть за вестью, доходящие до трещины в куполе и проверенные ежедневно своими глазами на процессиях священнослужителей, проходящих по улицам к местам их продажи и кульминирующихся в ночном конклаве пьяных ландскнехтов, под стенами самого замка кощунствовавших над мессой..." Так рассказывает историк о разграблении Рима испанцами и ландскнехтами при Папе Клименте.

Другой очевидец добавляет: "Голод и чума следовали за вторжением. Город был истощен, армии грабили уже не из-за золота, но для хлеба, разыскивая его даже в постелях больных. Молчание, пустынность, зараза, трупы, разбросанные здесь и там, потрясли меня ужасом. Дома были открыты, двери выломаны, лавки пусты, и на опустелых улицах я видел лишь фигуры озверелых солдат".

Приводим строки из описания именно этого очередного разграбления Рима, ибо о нем, сравнительно с другими вторжениями, обычно рассказывается мало. Обычно в школах знают, что Папа Климент должен был провести некоторое время в замке Св.Ангела, но действительные ужасы вандализма и святотатства не упоминаются. При этом и император, и прочие короли не считали это даже войною. Если мы вспомним другие документы этого же злосчастия, то увидим, что при некоторых дворах это отмечалось как печальный, непредвиденный эпизод. Когда же прибыли испанские уполномоченные для урегулирования положения, то и они, совместно с генералами грабившей армии, не могли сразу овладеть положением: до такой степени вандализм, озверелость и кощунство овладели испанцами и ландскнехтами.

Откуда же могло произойти такое ярое кощунство и жестокость? Оно, конечно, произошло

от жестокосердия вообще. Но откуда же вдруг могло вспыхнуть такое неслыханное жестокосердие? Разгорелось оно, конечно, от ежедневной грубости. Мы все знаем, как незаметно вторгается в жизнь зараза грубости. Начало хаоса проявляется всюду, где хотя бы на минуту забыто продвижение. Нельзя же на мгновение оставаться в прежнем положении, — или вниз, или вверх. О нравах ландскнехтов и других военных наемников достаточно написано литературных произведений и накоплено всяких хроник. Вот из этой повседневной грубости, питаемой и дозволенной, и вспыхивает безобразнейшее кощунство, святотатство, всякие вандализмы и всякие ужасные проявления невежества.

Пароксизмы невежества, уже не раз отмечалось, прежде всего устремлены на все самое высокое. Невежеству нужно что-то истребить, нужно отрубить чью-то голову, хотя бы каменную, нужно вырезать дитя из утробы матери, нужно искоренить жизнь и оставить "место пусто". Вот идеал невежества. Оно приветствует безграмотность, оно улыбается порнографии, оно восхищается всякой пошлостью и подлостью. Ведь где кончается одно и начинается другое и наоборот, отмерить очень трудно. И вообще меры весов невежества неисповедимы.

Если жестокосердие порождается каждодневной грубостью, то как же заботливо нужно искоренять из каждого дня всякое огрубение. Как трудолюбиво нужно изъять эти, хотя бы маленькие, огрубения из всякого быта. Ведь всякая грубость совершенно не нужна. Даже дикие животные не укрощаются грубостью. При всяком воспитании грубость уже давно осуждена как не дающая никаких полезных результатов и только продолжающая поколения грубиянов.

Когда мы читаем исторические примеры всяких несчастий, происшедших, в конце концов, от повседневного огрубения, когда мы видим, что эти несчастия продолжаются и до сего времени, то разве не нужны спешные меры, чтобы и в школьном, и в семейном быту предохранить молодежь! Непроявленному хаосу чувствований не трудно заразиться всякою грубостью. Очень легко вводятся в обиход грубые, непристойные слова. Называются они нелитературными. Иначе говоря, такими, которые недопустимы в очищенном языке.

В противовес очищенному языку, очевидно, будет какой-то грязный язык. Если люди сами говорят, что многие выражения нелитературны, и тем самым считают их грязными, то спрашивается, зачем же они вводят их в обиход? Ведь хозяйка или хозяин не выльют среди комнаты ведро помоев или отбросов. Если же это и случится, то даже в самом примитивном жилье это будет названо гадостью. Но разве сквернословие не есть то же ведро помоев и отбросов? Разве сквернословие не есть просто дурная привычка? Детей наказывают за дурные привычки, а взрослых не только не наказывают, но ухмыляются всякому их грязному выражению. Где же тут справедливость?

Привычка грубостей, сквернословии и кощунства развита до такой степени широко, что ее даже попросту не замечают. Если люди вспомнят все существующие кощунственные анекдоты, вызывающие такой потрясающий хохот, то не покажется ли странным, что сегодня эти же люди идут во храм, якобы для молитвы, а назавтра лишь ухищряют свое потрясающее сквернословие?

Никто не будет отрицать, что грубость вторгается очень незаметно. Давно сказано: "Сегодня маленький компромисс, а завтра большой подлец". Всякая грубость потрясает не только своей жестокостью, но и бессмысленностью. Невозможно представить себе ничто более бессмысленное, нежели сквернословие.

Часто люди фарисействуют, будто бы болея о потере чистоты языка, но разве сами они не потворствуют подчас именно этим нелитературным отбросам и загромождениям? Среди всякого сора заразительная грязь грубости порождает ужасные микробы, и они поражаются целыми губительнейшими эпидемиями.

Разве так уж трудно не грубить, не сквернословить, не проявлять бессмысленную жестокость? Вовсе не трудно. Но среди просветительных учреждений, от низших до высших, от младших до старших, всюду должны быть отставлены все признаки грубости.

ОГРУБЕНИЕ

Опять заговорили о возможности газовой войны. Правда ли это или только остратки – покажет будущее. Но уже одни толки допускают этот чудовищный вид истребления. Так, чтобы не только человечество уничтожалось, но чтобы и сама земля отравлялась. Куда же дальше?

И без того уже ползает мрачное огрубение. Люди совершенно спокойно толкуют о таких ужасах, какие раньше бы и в голову не пришли. Зверство входит в обиход человеческий. За огрубением протолкнется и мохнатое одичание. Ужасен лик цивилизованного дикаря. И не только взрослые, но и дети уже болтают о диких выходках.

Влезло огрубение в сердце человеческое, и трудно выгнать такого отвратительного посетителя. Врачи говорят, что при болезни здоровье уходит фунтами, а при выздоровлении возвращается золотниками. То же можно сказать и об огрубении. Тиранически овладевает оно человеком, перестроит весь обиход, опошлит мышление, и где те меры в современном государстве, которые освободят человека от безобразного одержания?

Скажете – школы, но и в них влезло огрубение. Скажете – творчество, но ведь и оно в услужении грубости. Даже язык человеческий превращается в какой-то тюремный, кабацкий жаргон. И все это влезает помаленьку да полегоньку. Но тяжеленько становится от такого "полегоньку".

Плохое утешение, что дикари вымрут, но как же быть с молодежью, с детьми? Яд огрубения хуже любого наркотика. Сколько потребуется лучших помыслов, чтобы изгнать беса дикости?

Не будем закрывать глаза: человечество заболело огрубением. И от тяжелых болезней можно излечиваться, но при болезни Культуры какие же операции потребуются? И где та сестра милосердия, которая займется уходом? Ведь и у ней самой болит сердечко от огрубения. Помоги болящим, сестра милосердия.

Теперь и "милосердие" особенное. Из "милосердия", пожалуй, сотворят такие чудовищные бомбы, что они будут разрушать целые народы. Впрочем, ведь и гильотина изобретена из "человеколюбия". Из такого же "милосердия" изобретен и электрический стул. В Чикаго настоятельно звали посетить скотобойни. С гордостью заявляли об ежедневном убийстве пятидесяти тысяч скота.

Помоги, сестра милосердия.

1943

РОЖДЕНИЕ СКУКИ

Среди обсуждения современной жизни кто-то пожаловался на скуку, но другой собеседник воскликнул: "Какой же Вы скучный человек!" Жаловавшийся на скуку начал уверять, что он-то лично не скучен, но обстоятельства его жизни так однообразны и бесцветны, что не он, но обстоятельства жизни скучны.

Между тем другой собеседник продолжал настаивать, что не может быть в жизни, в природе таких обстоятельств, которые порождали бы скуку. Он говорил: "Мы сами рожаем в себе эту мертвенность, которую мы называем скукою. Мы сами скучны, а вовсе не жизнь, вовсе не природа".

Третий собеседник припомнил из жизни отшельников Индии, как, не двигаясь от входа своей пещеры, риши ощущали полноту бытия.

Четвертый собеседник указал на жизнь Преподобного Сергия Радонежского и Серафима Саровского, спрашивая: "Могут ли такие подвижники вообще ощущать скуку? Знакомо ли им это слово?".

Итак, первый собеседник, неосторожно отнесший скуку к окружающей жизни, получил со всех сторон отпор. Мало того, невольно он дал всей беседе неожиданное для него самого направление. Многими примерами было ясно доказано, что скука есть не что иное, как падение жизненной энергии. Это отсутствие энергии порождается условными устоями, порожденными в нас же самих. Бывает, что люди неправильно употребляют само выражение "скука". Иногда они хотят в этом выразить свое к чему-то нетерпение. Но ведь и нетерпение уже будет признаком отсутствия дисциплины, которая всегда будет следствием особого напряжения энергии.

Можно заметить два определенных типа людей. Одни, по природе своей, любят внутреннюю дисциплину. Их не нужно обучать этой концентрации воли. Человек, добровольно осознавший значение упорядоченности, является и ценителем и своего, и чужого времени. Распознав эти ценности, человек всегда останется и твердым, и наблюдательным, и находчивым. Он будет сильным человеком. Другой тип людей по природе своей боится и старается уклониться от всякой дисциплины. Можно быть уверенным, что этот тип людей, хотя бы даже и обладал известными познаниями, не примет на себя особую ответственность, не проявит истинного терпения и, скорее всего, допустит разлагающие, ничемные обсуждения. Этот тип людей не будет сильным. Они будут, кроме того, очень себялюбивы, преисполнены самости. Они легко повторят слово скука, стараясь возложить это тягостное ощущение на окружающие обстоятельства.

Такие люди будут стараться и окружающих их вовлечь в те же ложные обсуждения своей тягости. Они даже не подумают, что рождение скуки происходит исключительно в них самих.

Среди лекарств, противодействующих такому эгоистически-безвольному состоянию, конечно, прежде всего будет развитие искусства мышления и умения приобщаться к природе. Много раз настойчиво описывалось искусство мышления, которое должно быть воспитываемо и образываемо. Так же точно нужно уметь приобщаться к природе. Каждому приходилось видеть несчастные типы людей, для которых совершенно закрыта книга природы. Перед ликом природы, полным несказанною прелестью, они будут играть в карты или мечтать о "прелестях" городской жизни. Они будут доходить до такой несоизмеримости, что прекрасную природу они будут готовы предать для ужаса и извращения города.

Можно себе представить, какие настоящие извращения организма, какие патологические судороги происходят, когда нечто ценное и прекрасное затемняется условным и разлагающим. Ведь сердце человеческое болезненно корчится от всего неестественного. Сердце не скажет своих ощущений в земных словах, но каждый удар по сердцу останется на многие жизни. Одним из самых болезненных ударов по сердцу, конечно, будет внедрение понятия скуки. Этой мертвенности сердце не выдерживает.

Следует во всех просветительных учреждениях, от младших классов, всеми мерами изгнать, понятие скуки. При этом заполнение времени не должно быть чем-то чисто механическим. Нужно, чтобы времени действительно не хватало на действия и на мышление. Что может быть увлекательнее, нежели мышление и творчество перед ликом природы. Эта радость может происходить при самых различных работах, ибо настоящее мысленное творчество лишь поможет качеству каждого труда.

Столько раз говорилось о противоположениях Востока и Запада, которые уже понимались не в смысле географическом, а в смысле основной психологии. И в то же время каждый отлично чувствует, что никаких противоположений нет и быть не может, ибо как здесь, так и там должно быть внутреннее стремление к живительному синтезу. В этом синтезе доброкачественности, терпимости и творчества не найдется ни малейшего места для безвольного проклятия, именуемого скукою.

Нужно ли о скуке говорить, если она так мертвенна и мерзостна? Как же не нужно, если это слово так часто повторяется и старыми, и малыми. Скучающие типы даже стараются облечься в позу какой-то ультрасовременности. По неразумию они полагают, что окружают себя каким-то неразгаданным, таинственным ореолом, а на самом деле они остаются просто скучными, не применившими себя к жизни отбросами. Если в какой бы то ни было форме

проявится зло, не пытайтесь замолчать. Этот гнойник лишь создаст целую гангрену. Спешите отсечь это вредное понятие скуки как можно скорее, как можно решительнее. Скучающий тип боится быть осмеянным, а в то же время он прежде всего смешон в своем заблуждении.

Лохмотья скуки уже будут каким-то чудовищно нелепым шутовством. Гранд Гиньоль! И кому же захочется быть в этом страшном шутовстве?

Итак, пусть ехидна скуки не осмелится приблизиться ко всему образовательному, просветительному, ко всему культурному. Все те, кто особенно чувствует нелепость этого скверного понятия, пусть дружными усилиями извлекут все его зародыши. Поистине, скука не в окружающих обстоятельствах, не в жизни, но в самих людях.

1935

МОЛОДЕЖЬ

Много нападают на молодежь. "Она поглощена спортом". "Она отшатнулась от гуманитарных предметов и погрузилась в условные техникумы". "Она не бережет чистоту языка и наполняет его всякими нелепыми, выдуманскими выражениями". "Она уходит от семьи". "Она предпочитает танцы". "Она избегает лекций". "Она не хочет читать". Мало ли что говорят про молодежь. В каждом случае, наверное, были какие-то поводы высказать одно из приведенных тяжких обвинений. Даже в ежедневной прессе постоянно можно встречать факты, как бы подтверждающие сказанное. Допустим, что все это так и есть. Но если мы посмотрим в причины происходящего, то ведь прежде обвинения молодежи нужно призвать к ответу старшее поколение.

Много ли сердечности в семье? Притягательна ли домашняя обстановка? Есть ли возможность серьезных устремлений среди быта современности? Есть ли что-то ведущее и восхищающее в трудной домашней обстановке? Прилежит ли само старшее поколение гуманитарным предметам? Кем указана дорога в техникумы? Кто прокурил дом свой? Молодежь ли наполнила домашнее вместилище спиртными напитками? Хотят ли в семье говорить с молодежью? Устремлена ли семья к будущему? Где именно рождается равнодушие к добру и злу? Где начинается распад осуждения? Где впервые услышала молодежь анекдоты кощунственные? Где впервые слышат много разрушительного и очень мало созидательного? Потому вместо осуждения молодежи посмотрим, так ли она плоха, как часто досужие языки болтают?

Спросим себя: "Знаем ли молодежь, истинно трудящуюся?" – Конечно, знаем. "Знаем ли молодежь, несущую в семью все свои заработки?" – Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, сердечно мечтающую о будущем?" – Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, устремленную к серьезным книгам и обсуждениям?" – Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, которая умеет жить в согласии?" – Конечно, знаем. "Знаем ли мы молодежь, устремленную к поискам прекрасного?" – Конечно, знаем. И так, мысленно перебирая все лучшие высоты человеческие, мы на каждой из них найдем и прекрасное выражение молодежи. Эти труды молодежи не будут относиться лишь к одной какой-то стране. Они будут раскинуты по всему миру.

С радостью вспоминаешь, как в Париже сходятся просвещенные молодые труженики. Как глубоко устремлены они именно к высоким человеческим задачам. Мы знаем, как им безмерно трудно, знаем, как им приходится преобороть и условия страны и домашнего быта, и тем не менее они находят в себе неисчерпаемые силы идти путями верхними. Находят в себе неутомимость утверждать добрые вехи. И все это благо творится среди несказуемых трудностей. И все-таки благо творится, и все-таки, когда вы хотите вспомнить о чем-то радостном, вы вспоминаете о таких утверждениях молодого поколения.

Вспоминаем и другое, где содружества молодежи нередки. Тоже все трудящиеся, добывающие хлеб упорной и тяжелой работой, а по вечерам ободренные и приодетые

слетаются они, чтобы омыться в живой воде философии, науки и искусства. Они так привыкают жить общими стремлениями, что даже пробуют селиться вместе маленькими общинами.

Помнятся три комнаты. Живут в них восемь девушек. Все трудящиеся. Кто продавщица, кто секретарит, кто стенографист или работает на фабрике. Спрашиваем:

– Давно ли живете вместе?

– Три года.

– А много ли раз ссорились? – Смеются...

– Не приходилось.

Разве это по нынешним временам не чудо, чтобы люди могли собраться из разных областей. Могли бы после трудной работы, утомленные, сходитьсь вместе и не только не ссориться, но и оживлять и обогащать друг друга высокими возможностями! А сколько вдохновенных и убежденных суждений можно слышать именно от молодежи. А кто же так сердечно встает за правду и возмущается несправедливостью, как не молодые сердца!

Как только осмотримся без предубеждений, так сейчас же найдутся во множестве прекрасные знаки и самоотвержения, и стремления к познанию и любви к прекрасному. Тем, кто вообще осуждает молодежь, нужно оберечься от брюзжания. Наверное, они видят, что во многих областях современная жизнь меняется и безобразится непониманием. Но когда осудители начинают искать виновных, то очень часто они устремляются по случайно ближайшему пути. Они видят только последствия, но избегают помыслить о причине. И причины не так уж страшны, если их осознать и общественно начать изживать эти пыльные наросты.

Если каждый непредубежденный обозреватель найдет так много прекраснейших и трогательных примеров среди молодого поколения, то не так уж трудно подтягивать общественное мнение именно к этим проявлениям настоящего блага. Если молодые люди, иногда еще и неопытные, все же так мужественно и вдохновенно противостоят темным силам, то как же бережно нужно поддержать их тем, кто считает себя уже умудренным. А поддержать можно лишь примерами жизни. Никакие разглагольствования отвлеченные не дадут жатвы. Только действия в делах, пример жизни, могут быть убедительными.

Если молодежь сама познает радость труда и вдохновительного общения, то ведь уже умудренные жизнью должны прежде всего ободрять именно эту радость. Невозможно осудительствовать там, где столько прекрасных примеров находимо. Если по условиям времени всем трудно, то нужно думать лишь о том, чем преобразить эти трудности в радость. Молодые сердца знают это. Поэтому всячески поможем молодым сердцам встречаться на путях блага и вдохновения.

Можно равняться по худшему, и такое равнение будет деградацией. Всякое же равнение по лучшему будет ростом. Разными народами хранилась легенда о том, что даже ради одного праведника был сохранен город. Эта легенда, так многообразна и прекрасно заповеданная, указывает, что во всем важно качество, а не количество. Потому каждый добрый пример покрывает собой множества отрицательных показаний.

Ценно, что печать века творится многими народами, и потому тем легче собрать добрые знаки. В разных наречиях, в различных обычаях, эти иероглифы добра особенно вдохновительны.

* * *

Малыш тянется опустить в почтовый ящик письмо. Прохожий хочет помочь ему и видит на самодельном конверте каракули: "Николе Чудотворцу". Спрашивает:

"Что это?"

"Мама помирает, а никто не хочет помочь".

И таким путем сердце малыша молит Николу Чудотворца, который и помог.

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Во время моей выставки в Музее Канзас-Сити местная жительница Холмс возымела увлекательную мысль, чтобы одна из моих картин – "Властитель Ночи" – была бы поднесена музею от имени молодежи. Для этого она обратилась в местные школы, где ее предложение было встречено с большим восторгом. Дети любят, когда их привлекают к серьезному делу больших. Как мне писали, при этом произошли многие трогательные выступления. Были даже какие-то детские шествия и газетные обращения, и это общее дело прошло под знаком полного успеха.

Мне лично такое участие молодежи было необыкновенно радостно. Никто не заставлял и не застрашивал молодые головы какую-то необходимостью условною. Наоборот, была брошена лишь живая идея, и молодежь разных возрастов в полном единении отозвалась. Конечно, немало существует всяких общественных начинаний. Но как бы много их ни было, все-таки хочется, чтобы общественность проявлялась в еще более обширном размере. Прежде всего широкие круги молодежи должны быть привлекаемы к серьезным общественным построениям. В конце концов, для кого же все строится, собирается, запечатлевается? Прежде всего для той же молодежи, для будущих поколений. Если всегда и во всем именно молодое поколение будет привлекаться к действительному сотрудничеству, то легче всего образуется живая связь с будущим.

Очень много всегда говорилось о различии и даже о коренном непонимании разновременных поколений. Но дряхлость восприятий обозначается вовсе не поколениями, но совсем другими обстоятельствами, которые не трудно превозмочь. Каждый знал молодых стариков и очень дряхлых юношей. Дело не в возрасте, а в состоянии мышления. Но чем больше от юных лет человек будет привлекаться к общим делам, чем больше научат его думать об общем благе, тем продолжительнее сохранится молодость всех восприятий.

Государственные стороны современности открывают широкий доступ для всего населения ко всем деятельным виявлениям. Но следует, чтобы люди не только чувствовали себя допущенными, но и ощущали бы себя содеятелями. Именно сознание содеятельности во всем ее труде и ответственности приносит здоровое мышление. В этом образе мышления люди научатся и радоваться прекрасному. Создавайте содеятелей!

1937

ПЛЕМЯ МОЛОДОЕ

"Здравствуй, племя младое, незнакомое..." Да разве уж такое незнакомое? Если вспомним о лучших устремлениях, о доверчивости, о желании что-то сделать полезное, то и незнакомство отпадает. А все молодое – доходчиво и любит движение. С молодых лет судьба поставила нас близко к учащейся молодежи. В этом – великое благо. Два десятка лет перед нами проходили ежегодно самые разнообразные учащиеся. Среди них были самые неожиданные и, казалось бы, трудные характеры, но все же нельзя назвать их племенем незнакомым.

Лучшее жизненное испытание оказывается в общении с молодыми. Если хотите остаться молодым, то не прерывайте этих светлых общений. Молодежь хочет победить житейские трудности. Молодежь имеет запас мужества, который потом часто растрачивается и сменяется слабоволием и сомнением. Считается, что смена поколений происходит через двадцать лет. Но, кроме того, каждый год кто-то подходит обновляющий, мятущийся, ищущий. Хорошо, что пришлось иметь дело именно с трудящейся молодежью. Ее было в нашем окружении больше, нежели обеспеченной и богатой. Показательно было наблюдать, как и в самых трудных бытовых условиях молодые дарования стойко развивались. Такие наблюдения тем дороже, что в них заключается не сентиментальное предположение, но

самая светлая действительность.

Трудовая молодежь отдавала свои дарования не только станковой живописи, но и решительно всем проявлениям народного искусства. Мы всегда указывали, что нелепое название "художественная промышленность" должно быть отставлено и заменено широким понятием искусства. Сколько раз приходилось указывать, что пуговица, сработанная Бенвенуто Челлини, будет гораздо выше, нежели множество холстов в широчайших золотых рамах. В распространении правильного понимания искусства помогала нам фабричная молодежь. Она приходила к нам уже оттуда с желанием внести в ту же фабрику высокие художественные понимания. Прошедших школу фабрика повышала в должностях, и их утонченный вкус позволял им совершенно иначе отнестись к понятию труда. Только таким народным посевом можно создавать племя молодое, новое и знакомое по общим устремлениям к высокому качеству труда. Народам опять придется вернуться к основе высокого просвещения и творчества. После войны, после обороны и защиты главное внимание сосредоточится на строительстве во всех областях жизни. Племя молодое, племя народных художников будет оплотом многих достижений.

Здравствуй, племя младое, нам знакомое...

1939

ЗА ВЕЛИКОЙ СТЕНОЙ

"В пути со своими учениками Конфуций увидел женщину, рыдавшую около могилы, и спросил о причине скорби. "Горе, – отвечала она, – мой свекр был убит здесь тигром, затем мой муж, а теперь и сын погибли тою же смертью".

"Но почему вы не переселитесь отсюда?"

"Здесьнее правительство не жестоко".

"Вот видите, – воскликнул учитель, – запомните: плохое правительство хуже тигра".

"Какие основы хорошего Правительства? Почитай пять превосходных, изгони четыре мерзкие основы. Мудрый и хороший правитель добродетелен без расточительности; он возлагает обязанности, не доводя до ропота; желания его без превышения; он возвышен без гордости; он вдохновителен и не свиреп. Мерзости суть: жестокость, держащая народ в невежестве и карающая смертью. Притеснение, требующее немедленного исполнения дел, не объясненных предварительно. Нелепость, дающая неясные приказы, но требующая точного их исполнения. Препятствие производством в скупости правильного вознаграждения достойных людей". "Познавать и прилагать в жизни изученное – разве это не истинное удовольствие? Прибытие друга из далекой страны – разве это не истинная радость?"

"Человек без сострадания в сердце – что общего он имеет с музыкой?"

"Благородный ни на мгновение не отступает с пути добродетели. В бурные времена и в часы напряжения он спешит по тому же пути".

"Человек знания радуется морем, человек добродетели радуется горами. Ибо беспокоен человек знания и спокоен человек добродетели".

"Человек духовно добродетельный, желая стать твердо, разовьет твердость и в окружающих. Желая быть просвещенным, он озаботится просвещением ближних, чтобы сделать другим то, что он желает себе".

"Искренность и правда образуют желание культуры".

"Благородный человек выявляет лучшие стороны других и не подчеркивает дурных. Низкий поступает обратно".

"В частной жизни покажи самоуважение, в делах будь внимателен и заботлив, в действиях с другими будь честен и сознателен. Никогда, даже среди дикарей, не отступи от этих ослов".

"Благородный тянется кверху, низкий устремляется вниз".

"Благородный человек не знает ни горя, ни страха. Отсутствие горя и страха, в этом знак

благородства! Если в сердце своем он не найдет вины, чего горевать ему? Чего страшиться ему?"

"Сделай сознательность и правду ведущими началами и так иди творить обязанности о твоём ближнем. Это высокая добродетель".

"Смысл милосердия в том: не причиняй другим то, чего не желаешь себе".

"Благородный заботится о девяти основах. Видеть ясно. Слышать четко. Глядеть дружелюбно. Заботиться о низших. Быть сознательным в речи, быть честным в делах. В сомнении быть осторожным. В гневе думать о последствиях. При возможности успеха думать лишь об обязанностях".

"Духовная Добродетель заключается в пяти качествах: самоуважение, великодушие, искренность, честность и доброжелательство. Докажи самоуважение, и другие будут уважать тебя. Будь великодушен, и ты откроешь все сердца. Будь искренен, и поверят тебе. Будь честен, и достигнешь великого. Будь доброжелательным, и тем сообщишь и другим доброе желание".

"Благородный сперва ставит праведность и затем мужество. Храбрец без праведности – угроза государству".

"Отвечай справедливостью на несправедливость и добром на добро".

"Основа милосердия делает место привлекательным для житья".

"Благородный человек не имеет ни узких предрассудков, ни упрямой враждебности. Он идет путем Служения".

"Благородный прилежен в познании пути Служения, а низкий человек – лишь в делании денег".

"Мудрец медленно говорит, но быстро действует".

"Все люди рождаются добрыми".

"Смысл высокой добродетели. В жизни веди себя, как бы встречая высокого гостя. Управляя народом, веди себя как на торжественном священном служении. Чего не желаешь себе, не причиняй другим. Как на людях, так и дома не выражай злую волю".

"Кто грешит против неба, не может рассчитывать ни на чье заступничество".

"Можем выйти из дома лишь через дверь. Почему не пройти жизнь через врата добродетели?"

"Разве далека добродетель? Лишь покажи желание о ней, и вот она уже здесь".

"Чей ум уже испытан против медленно проникающего яда клеветы и острых стрел оговоров, тот может быть назван яснозорчим и дальнзорчим".

"Вывести неподготовленных людей на битву, все равно что выбросить их".

"Если человек всюду ненавидим или он повсюду любим, тогда необходимо ближайшее наблюдение".

"Ваши добрячки – воров добродетели".

"В 15 лет мой ум склонился над учением. В 30 лет я стоял прочно. В 40 лет я освободился от разочарований. В 50 лет я понял законы Провидения. В 60 лет мои уши внимали Истине. В 70 лет я мог следовать указу моего сердца".

Итак, познание, освобождение, понимание законов, внимание Истине – все привело к следованию указам сердца. Это кратчайшее и полнейшее жизнеописание кончается сердечною молитвою о путях праведных. И не пожалел великий философ о том, что была в запряжке колесница его. Кони взнузданные, готовые домчать до путей сердца, были уже благословением. Не к великим ли домам должна была нести колесница не изгнания, но достижения.

Княжеское освобождение от горя и страха, мощь Тао, умостили путь прочный. "Бестронный король" – так называли Конфуция. Не он ли на колеснице шествует по Великой Стене в страже несменной?! Не его ли кони следуют по следам белого коня Великой Стены?! Кто его видел?! Кто уследил его всходы и спуски? Поверившее сердце за белым конем прошло стремнины и горы. Не предрешим ход коня.

Ко всем своим путям Конфуций мог прибавить еще одно заключение. Все враги, его гнавшие, были людьми темными и мерзкими. Имена их или стерлись, или остались в истории на черном месте. Значит, и в этом отношении праведность Конфуция и утверждена, и прославлена историей.

Только что сообщалось: "Работа по реставрации Мавзолея в Чуфу обсуждалась шантунгскими властями".

"Обширные работы по восстановлению Мавзолея Конфуция в Чуфу в Шантунге были решены в заседании в присутствии, представителя Нанкинского Правительства.

Провинциальные власти, кроме сотрудничества по восстановлению Мавзолея Конфуция, который находился много лет в небрежении, также избрали Комитет для восстановления Дня Конфуция повсеместно в Китае. Сообщается, что Центральное Правительство даст особые почести потомку великого мудреца".

Опять победа Конфуция! День, посвященный ему, будет днем Культуры.

Странно читать известие, где так скорбно и обычно говорится о том, что Мавзолей Конфуция в течение многих лет оставался в небрежении. Что это значит в течение многих лет? Какие именно потрясения и перемены заставили забыть даже о величайшей гордости Китая! Впрочем, это забвение лишь односторонне. Может быть, Мавзолей и был забыт, но память и заветы Конфуция продолжали жить, ибо Китай без Будды, Лао-цзы, Конфуция не будет Китаем.

Какие бы новые познания ни входили в жизнь, все же устои древней мудрости остаются незыблемы.

Монголы могут узнать много новых вещей, но имя Чингисхана и его наставления будут жить в сердцах народа и само это имя произносится с особым вниманием. Так же точно, как когда-то мы писали о звучании народов, так и памятные имена и места все же жить будут.

Конечно, надо предполагать, что Мавзолей Конфуция уже не может опять впасть в небрежение, ибо страна в своем развитии все глубже и выше будет беречь всегда живые заветы мудрого. И действительно, какой бы выше сказанный завет ни вспомнить, он одинаково будет касаться и нашего времени.

Лишь в очень отсталых умах не будет понятна разница между отжившим и вечным. Пусть и до сих пор лучшие заповеди не исполняются – это не значит, что они не должны были быть даны, а сейчас повторены. Уж чего проще? – "Не убий", "Не лги", "Не укради", а каждый день и эти повелительные Заветы не исполняются. Что же отставить ли их за неприменимость? Или продолжать настаивать? Впадать ли в одичание, или настойчиво выплывать на гребень волны? В наставлениях Конфуция нет безвыходного осуждения. Как и все благие наставления сказаны им близко к жизни. Если он отставляет что-либо, то только для того, чтобы выдвинуть нечто лучшее и более полезное. Подчас наставления Конфуция обсуждались несправедливо, и им приписывался смысл, явно не относящийся к их содержанию. Это значит, что кто-то подходил к рассмотрению его заветов с какой-то предубежденностью.

Но, рассматривая большого человека, неуместны ни предубежденность, ни преувеличенность. Пусть будут приняты во внимание действия и слова в их полном значении. Конечно, говоря о последнем значении, мы не должны забывать, что во всех языках, а в том числе и в китайском, и в санскрите, есть свои непередаваемые выражения, которые можно понять и изложить лишь вполне освоившись как с языком, так и с устоями местной жизни. Сколько бедствий произошло из-за переводов, из-за толкований!

Всякие злостолкования и умышленные извращения, ведь они должны быть судимы, как умышленные преступления против чужой собственности. Иногда же эти умышленные извращения равны покушению на убийство. Из жизнеописания Конфуция не видно, чтобы он впадал в отчаяние или страх. То, что он был вынужден держать колесницу наготове, обозначает лишь его предусмотрительность для вящей полезности будущих действий.

"Я молиться уже начал давно" – так отвечал Конфуций при одном важном обстоятельстве. Неоднократно в жизнеописаниях Конфуция употребляется выражение, что жизнь его была

непрестанной молитвой. Торжественно он переплывал океан. Потому-то, оборачиваясь на Великую Стену, мы опять вспоминаем Конфуция, как признак Китая. Мы уверены, что предположенный день Конфуция выльется в настоящее торжество Культуры.

1935

САД

Из целого поля вдруг один колос затрепещет под ветром. Один тростник вдруг закивает, а казалось бы, ветер должен всколыхнуть весь очерет. Извилины токов неисповедимы. Кажется, все травы должны или поникнуть или взбодриться, но вот одна ничем не приметная травинка встает своеобразно.

Так же и волны земного шума звучат непонятно нашему уху. А волны потока гремят свои неповторимые песни, то почти замолкнут, то воспрянут в зовущем гимне. Поди разбери! И никогда потом не признаете, который колос отзвучал, которая травинка первая затрепетала...

Так же и в людских встречах. Не знаем первых друзей, не знаем зачатки врагов. А сколько превращений. Забавно, как бывший враг вдруг начинает претворяться в друга. Часто и причину не усмотрите. Не признать, с которым из врагов начнется такое превращение. Скажут, наверно, в основе будет корысть, искание пользы. Но не всегда ищите только мрачные причины. Бывает, что камень сердца вдруг повернется созвучною гранью.

Так и с друзьями! Вдруг около алмаза сердечного попадает невидимая песчинка и начинает царапать и наносить трещинки. А сама-то песчинка чепуховая, почти призрачная. От чепухи вдруг вырастает чертополох колючий-преколючий!

Добрый садовник должен бы усмотреть корешок сорной травы, да и убрать его вовремя. Но и сорные травы умейте распознать. "Не выплесните с водой и ребенка из ванны". Вот у нас в саду выросло какое-то непонятное растение. Решили, что сорное, – вырвали. На следующий год оно опять появилось и оказалось хорошим цветком – сильным, раскидистым. А ведь кто-то намеревался изничтожить.

А вот прекрасные дигиталисы вдруг сами пропали. Жаль! Густо зацвела магнолия, но ее пышные цветы всего на два дня. Коротка ее дружба. Щедро распуснется, мимолетно сверкнет душистой белизною и превратится в грязь желтую. А скромная жимолость долго радуется своим свежим духом.

1946

САМОНУЖНЕЙШЕЕ

..Жить трудно,
мой мальчик, помни приказ:
Жить не бояться и верить.
Остаться свободным и сильным.
А после удастся и полюбить.

Н.К.Рерих

Спросят: как перейти жизнь?
Отвечайте: как по струне бездну –
Красиво, бережно и стремительно.

Листы сада Мории

СЕЯТЕЛИ

Среди пустынных нагорий Монголии, где уже не видно ни единого дерева, каким-то чудом остался вяз, по-туркестанскому карагач. Сохранился ли он потому, что притаился в овраге, оживила ли его ближняя дождевая промоинка, но он уцелел. Какие-то злые люди отпилили и обломали некоторые ветки, но все же не дерзнули свалить все дерево.

Не только уцелел вяз как напоминание о бывших здесь лесах, но и занялся полезной деятельностью – разбросать и засеять окружающие его склоны молодыми отпрысками. Среди ирисов, востреца, дерасуна темнеют многие кустики вязовые. Если не произойдет здесь обвала или не пройдет жестокосердная рука истребителя, то в будущем окажется целая вязовая роща. Так неустанно трудится дерево, стремясь и в опустошенной почве опять создать жизнь.

По окрестностям можно находить пни и корни бывшего леса. Конечно, не природа, но людская невежественная жестокость расправилась с этими охранителями жизни. Пусть деревья не надобны после известной высоты, когда их жизнедеятельность уже планомерно заменяется качеством праны горной. Но ниже этих вершин пусть не поднимается жестокая рука, искоренившая всякую жизнь. Пусть навсегда укрепитесь сознание о всех жизнедеятелях и жизнехранителях.

Вы пишете, что времени не хватает отвечать на всю разнообразную корреспонденцию. Пишете, что двух рук мало для того, чтобы переделать все, что надлежит, в течение дня. Вспомните об этом вязе, который устоял среди всевозможных опасностей и, несмотря ни на что, продолжает благое дело сеятеля. Глядя на спиленные и обломанные нижние ветви, можно представить себе, сколько раз злонамеренная рука подбиралась к дереву. Но все-таки вместо уничтожения произошел посев целой вязовой поросли. Если дерево может, несмотря ни на что, продолжать благотворную работу, то тем более люди не могут быть разочарованы и отпугнуты всякими безобразными личинами. Очень рад слышать, что у Вас времени мало. Когда времени мало, оно становится ценным, и, поверьте, его хватит на все. Много времени лишь у ничего не делающих. Если бы каждый из нас хотя бы на час почувствовал, что ему делать нечего и мыслить не о чем, то ведь это уже был бы час умирания. В делании, в творении, в работе мысли Вы и остаетесь молодыми, и Вас хватит на все полезное. Также представьте себе, что каким-то способом Вы были бы лишены возможности постоянного делания, ведь Вы не могли бы далее существовать вообще. Труд, живой и ведущий к жизни, отошел бы – вот было бы истинное несчастье! Организм, уже устремившийся к труду,

немедленно разложился бы под смрадным дуновением безделья.

Труд, постоянное делание, творение есть лучшее тоническое лекарство. В этой панацее не будет включено никаких наркотиков, не потребуется никакого опьянения, но здоровая, ясная радость будет источником долгой, плодотворной жизни.

Может быть, кто-то, если скажете ему о Вашей занятости, пожалеет Вас. Такое жаление будет лишь по неведению. Именно будем всегда радоваться каждому делателю, каждому творцу, каждому сеятелю. Даже если пахарь и сеятель возбуждают чье-то соревнование и завистливое негодование, то это будет только еще одним стимулом полезного труда. Марафон творчества! Марафон труда!

Вы пишете, что люди удивляются, как многое сделано в краткий срок. Скажите им, что это происходит потому, что требуется очень мало времени скушать Ваши две морковки (как Вы говорите) и вместо бездействия опять погрузиться в радостную для Вас работу. Без нее Вы и не могли бы жить. Всякая просветительная работа прежде всего должна быть радостной. Если на одном секторе деятельности заметятся какие-то временные препятствия, то Вы знаете, что во всем круге работы всяких секторов великое множество. Потому не пойте "На реках вавилонских" не от сидений, но от бодрой, неизбывной творческой работы.

Хотя Вам, как Вы пишете, и трудно успеть ответить на все разнородные письма, но все же найдите в себе бодрость не оставить этих пишущих в неведении и не создать впечатления отчужденности. Мог бы Вам привести многие примеры, как именно чрезвычайно занятые люди всегда немедленно отвечали на письма. Они и не могли запускать это, ибо иначе плотины прорвались бы от накопившихся застоев. Вспоминая о железной дисциплине работы, приведем себе на память хотя бы Бальзака или тех обильных творцов литературы, которые находили время решительно на все. Не забудем, что Ришелье среди множайших трудов писал целые драмы. Вспомним, чего только не успевал сделать Ломоносов! Да мало ли таких примеров.

Пусть навсегда останется отличием наших культурных учреждений любовь к труду, стремление к постоянному деланию, желание полезных посевов. Пусть во всем будет избегнута формальность и поденщина. Все, от мала до велика, одинаковые трудники, и трудятся не за страх, а за совесть, или, вернее, за радость. Ведь если кто не познал эту радость, значит, он еще не подумал о том, что есть просвещение во всех областях, на всех полях, Ко всех возможностях.

Буду рад слышать, что Вы по-прежнему завалены перепискою, что времени у Вас не хватает на все, что хотелось бы Вам сделать. В этом неукротимом желании делания будут Ваша сила и молодость.

1934-1935

ТРУД

"Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь"

Сколько раз это мудрое речение употреблялось и сколько раз оно толковалось ложно. Каждый пытался пояснить значение труда по-своему. Сапожник понимал, что труд это есть сапожное дело, кузнец в себе знал, что истинный труд заключен в кузнечном молоте. Жнец потрясал серпом как единственным орудием труда. Ученый, естественно, понимал, что труд в его лаборатории, а воин настаивал о труде военных познаний. Конечно, все они были правы всегда; но судя в самости, они прежде всего хотели понять о себе, а не о другом.

Чужой труд смотрелся через уменьшительные стекла. Никто не хотел искренно понять, насколько все виды труда зависят и сотрудничают друг с другом.

Ведь это просто? Конечно, просто. Ведь это всем известно? Всем, от мала до велика, известно. Это применяется в жизни? Нет, не применяется.

Получились самовольные разделения труда на высший и низший. И никто толком не знает, где именно граница оценки труда? О качестве труда по нынешним временам часто вообще судят очень странно. Наряду с развитием механических производств люди начали всецело полагаться на машины. Но ведь и в любой машине будет лежать в основе качество труда, в зависимости от умения применять эту машину.

Не раз говорилось о том, что даже машина иначе работает в разных руках. Больше того, достаточно известно, что одни мастера благотворны и для самой машины, другие же как бы носят в себе какое-то разрушительное начало. Люди издавна понимают значение ритма в труде. Приходилось видеть, как для общественных работ присоединялись местные оркестры для вящей успешности. Даже в далеких гималайских лесах дровосеки носят деревья под удары барабана. Всем это известно, и тем не менее сознательная согласованность труда все-таки является чем-то ненужным и неопознанным в глазах большинства.

Уже не будем говорить о том, что некоторые стороны труда, очень тяжкие, требующие большой подготовки, часто совершенно игнорируются.

Взять хотя бы труд народного учителя. Всегда он был и несправедливо мало оплаченным, и всегда оставался под сомнением ото всех сторон. В то же время решительно каждому известно, что воспитание детей может быть поручаемо лишь человеку, действительно образованному, имеющему в своих предметах основательные познания и вполне обеспеченному, чтобы не рассеиваться в отыскании побочной работы. Не правда ли, все согласится с необходимостью сказанных условий? Тем не менее и в общественных, и в государственных масштабах народный учитель остается в прежнем бедственном положении. Мало того, если в казначействе не окажется наличных сумм, то, вероятно, прежде всего народный учитель, врач, ученый будут исключены из бюджета. Уже не говорим о писателях, художниках и прочих лицах свободных профессий, которые так необходимы для народного образования и вызывают наименьшие заботы государства. Скажите, что это не так?

В основе всяких таких прискорбных и продолжающихся недоразумений все же лежит невежественное понимание о труде. Естественно, все желают, чтобы их государство преуспевало. Все довольны, когда общественные начинания кем-то подхвачены. Вместе с тем обычно, лишь как исключения, люди понимают всю меру ценности труда. Апостольское речение, безусловно, правильно. Никакие дармоеды и паразиты не имеют права на существование. Но при этом насколько нужно воспитать народное сознание в истинном понимании, что такое труд на всеобщее благо.

Не случайно человечество знает многие поучительные житейские примеры. Великий пример сапожника Беме или мастера телескопических линз Спинозы, примеры некоторых епископов, бывших превосходными ткачами, и другие такие же поучительные житейские опыты должны бы достаточно показать оценку качества труда. Наконец, мы всегда имели пред собой потрясающий в своей убедительности пример преподобного Сергия Радонежского, который не принимал даже куска хлеба, если не считал его заработанным.

Такие ясные зовущие примеры должны быть рассказаны вполне убедительно во всех школах. Тем самым внеслось бы равновесие трудовых оценок. Стерлись бы многие гордыни, но, с другой стороны, и сердечно понялась бы радость о каждом прекрасно исполненном труде. Если все это так не ново, то почему же оно много где не применяется?

Почему же до сих пор министерства народного просвещения или трудовой промышленности и сельского хозяйства – иначе говоря, всего, что связано с мирным преуспеянием, находятся на третьих и четвертых местах. А иногда даже вообще поглощаются какими-либо другими соображениями. Ведь это так, и никто не может уверять, что сказанное есть преувеличение.

Сказанное не только не есть преувеличение, но оно недостаточно повторено. Из того, что некоторые люди вообще избегают мыслить о культурных ценностях, избегают хранить их и поставить на должное в цивилизованном государстве место, уже из этого одного видно, насколько люди мало берегут то, что лежит в основе мирного труда и творчества.

Заслуженно твердо сказано о не желающих трудиться и тем самым не признающих значения труда. Они могут и не есть, они не нужны для жизни, они – сор и мусор. Вот как оценивается небрежение к понятию труда.

В настоящее время, во дни всяких механизаций, требуется тем большее внимательное отношение к труду, требуется справедливость к труженикам всех родов и всех областей. Люди уже догадались, что увлечение роботами не есть высшее достижение. Тем самым будет осознано и качественно творческое начало каждого труда.

Опять-таки, посмотрите, как живут и трудятся истинные труженики. Каждый день, в полном порядке, в полной прилежности и терпении они создают что-то, и создают не для себя, но для чьей-то пользы. В этой анонимности заложено так много величия. Заложено так много понимания, что все это есть, в конце концов, условный иероглиф, как каждое имя, каждое понятие. Эти имена становятся вполне именами собирательными. Когда произносится Эдисон, то уже не думается о Томасе Эдисоне, но как о мощном собирательном понятии изобретательности на пользу человечества. Так же точно, будет ли произнесено имя Рафаэля или Рубенса, оно уже не будет чем-то чисто личным, оно попросту будет характеристикой эпохи.

На старинных китайских изделиях имеются своего рода марки. Они тоже не имеют в себе ничего личного. Они стали тою печатью века, о которой так много говорилось.

Пусть будет печатью нашего века широкое и справедливое осознание труда. Пусть не будет забыт каждый полезный, творящий работник. Пусть во всех государствах вопросы образования, просвещения, труда будут на первом месте.

1935

ЛЮБИТЕ КНИГУ

Среди искусств, украшающих и тем улучшающих жизнь нашу, одним из самых древних и выразительных является искусство книги. Что заставляло с самых древних времен начертаний придавать клинописи, иероглифам, магическим китайским знакам и всем многоцветным манускриптам такой изысканный, заботливый вид? Это бережное, любовное отношение, конечно, возникало из сознания важного запечатления. Лучшее знание, лучшие силы полагались на творение этих замечательных памятников, которые справедливо занимают место наряду с высшими творческими произведениями. По сущности и по внешности манускриптов, книг мы можем судить и о самой эпохе, создавшей их. Не только потому, что люди имели больше времени на рукописание, но одухотворение поучительных памятников давало неповторяемое высокое качество этим запечатлениям человеческих стремлений и достижений.

Но не только рукописность давала высокое качество книге. Пришло книгопечатание, и разве можем мы сказать, что и этот массовый способ не дал множество памятников высокого искусства, послужившего к развитию народов?

Не только в утонченных изданиях XVII и XVIII веков, но и во многих современных нам были охранены высокие традиции утонченного вкуса. И качество бумаги, и изысканная внушительность шрифтов, привлекательное расположение предложений, ценность заставок, наконец, фундаментальный крепкий доспех украшенного переплета делали книгу настоящим сокровищем дома. Таким же прочным достоянием, как и твердь, был переплет книги, не гнувшийся ни от каких житейских бурь.

Говорят, что современное производство бумаги не сохранит ее более века. Это прискорбно, и, конечно, ученые вместо изобретения "человечности" войны посредством газов должны бы лучше заняться изобретением действительно прочной бумаги для охраны лучших человеческих начертаний. Но если даже такая бумага опять будет найдена, мы опять должны будем вернуться к утонченности создания самой книги. Поистине самые лучшие заветы

могут быть отпечатаны даже в отталкивающем виде. Глаз и сердце человеческое ищут красоту. Будет ли эта красота в черте, в расположении пятен, текста, в зовущих заставках и в утверждающих концовках – весь этот сложный, требующий вдумчивости комплекс книги является истинным творчеством.

Только невежды могут думать, что напечатать книгу легко... Хорошую книгу, конечно, создать нелегко. Имя редактора и издателя хорошей книги является действительно почитаемым именем. Это он, вдумчивый работник, дает нам возможности не только ознакомиться, но и сохранить как истинную драгоценность искры духа человеческого.

Книга остается как бы живым организмом. Ее внешность скажет вам всю сущность редактора и прочих участников. Вот перед нами суровая книга неизменных заветов. Вот книга-неряха. Вот поверхностный резонер. Вот щеголь, знающий только поверхность. Вот витиеватый пустослов. Вот углубленный познаватель. Зная эти тончайшие рефлексы книжного дела, как особенно чутко и внимательно мы должны отнестись ко всему, окружающему книгу – это зеркало души человеческой.

Но все создается лишь истинной кооперацией. Мы будем глубоко почитать издателя – художника своего дела. Но и он может ждать от нас, чтобы мы любили книгу. Иногда под руководством современных декораторов не находится места для книжных шкафов. В некоторых очень зажиточных домах нам приходилось видеть вделанные в стену полки с фальшивыми книгами. Можете себе представить все потрясающее лицемерие владельца этих пустых переплетов. Не являются ли они красноречивым символом пустоты сердца и духа? А сколько неразрезанных книг загадочно лежат на столиках будуаров! И хозяйка их с восторгом говорит о знаменитом имени, напечатанном на обложке. Как часто среди оставленных наследий прежде всего уничтожаются именно книги, выбрасываемые, как домашний сор, на вес, на толкучку. Каждому приходилось видеть груды прекрасных книг, сваленных, как тягостный хлам. Причем невежды, выбросившие их, часто даже не давали труда открыть и посмотреть, что именно они изгоняют.

Что же должен чувствовать издатель, художник, зная и видя эту трагическую судьбу истинных домашних сокровищ. Но и здесь не будем пессимистами. Правда, знаки безобразия существуют как со стороны читателей, так и со стороны издателей. Но ведь существуют же и поныне издания прекрасные, даже недорогие, но чудесные своею простотою, своею продуманною внушительностью. Существуют и нарождаются и прирожденные библиофилы, которые самоотверженно собирают лучшие запечатленные знаки человеческих восхождений. Может быть, именно сейчас нужно особенно подчеркивать необходимость сотрудничества между читателем и издателем... Даже среди стесненного нашего обихода нужно найти место, достойное истинным сокровищам каждого дома. Нужно найти и лучшую улыбку тем, кто собирает лучшие книги, утончая качество и их сознание свое. Неотложно нужно ободрить истинное сотрудничество вокруг книги и опять внести ее в красный-прекрасный угол жилища нашего. Как же сделать это? Как же достучаться до сердец остеклившихся или замасленных? Но если мы мыслим о Культуре, это уже значит, мы мыслим и о Красоте, и о книге, как о создании прекрасном.

В далеких тибетских домах, в углу священном, хранятся разные доски для печатания книг. Хозяин дома, показав нам драгоценности свои, непременно поведет вас и к этому почитаемому углу и со справедливой гордостью будет показывать вам и эти откровения духа. Он согласится с досок этих и сделать оттиски для Вас, если видит, что Вы сорадуетесь его благородному собирательству. Я уже как-то писал Вам, что на Востоке самым благородным подарком считается книга. Не ободряет ли это? Если мы скажем друзьям нашим: "Любите книгу", "Любите книгу всем сердцем вашим и почитайте сокровищем вашим", то в этом древнем завете мы выразим и то, что действительно нужно в наши дни, когда ум человеческий обращается так ревностно к поискам о культуре.

Любите книгу!...

... Книга, как в древности говорили, – река мудрости, наполняющая мир! Книга, выхода которой еще недавно с трепетом ожидали и берегли наилучшее ее издание. Все это священное рвение библиофилов, оно не есть фанатизм и суеверие, нет, в нем выражается одно из самых ценнейших стремлений человечества, объединяющее Красоту и Знание. О достоинстве книги именно сейчас пробил час подумать. Не излишне, не по догме, но по неотложной надобности твердим сейчас:

Любите книгу!

1931

СОКРОВИЩЕ ДОМА

Каждый библиотекарь является другом и художника, и ученого. Библиотекарь – первый вестник Красоты и Знания. Ведь это он открывает врата и из мертвых полок добывает сокровенное слово для просвещения ищущего духа. Никакие каталоги, никакие описания не заменят библиотекаря. Любящее слово и опытная рука производят истинное чудо просвещения...

Мы говорим это в то время, когда миллионы книг печатаются и ежегодно фонтаны печатных страниц замерзают подобно снежным горам. В этом лабиринте бумажных ледников снежная слепота может поразить неопытного путника. Но зорек библиотекарь, как истинный хранитель Знания. Он знает, как провести ладью искателя через волны безбрежного печатного океана.

Библиотека существует не только, чтобы распространять знание. Каждая библиотека сущностью своею поощряет приносить знание и в дом. Возможно ли представить себе просвещенный дом и очаг без книг? Если вы возьмете даже очень древние изображения внутренности дома, вы найдете в них и произведения искусства и книги. Вы заметите, что эти старинные книги защищены прекрасными переплетами и представляли из себя истинное сокровище. Это было не потому, что библиотеки тогда не существовали: Книгохранилища существовали во все века со времени рукописного знака. Но дух человеческий всегда чувствовал, что знание может быть приобретено не только в общественных местах, но закрепление знания происходит именно в тишине дома. Часто мы носим с собою наиболее священное изображение и книги. Они являются нашими бессменными друзьями и водителями. Мы отлично знаем, что истинная книга не может быть прочтена лишь однажды. Как магические знаки, истина и красота книги впитываются постепенно. И мы не знаем ни дня, ни часа, когда бы мы не нуждались в завете знания. И мы проверяем рост сознания нашего на этих верных друзьях. Итак, книгохранилище – это первые врата просвещения. Но истинное восхождение знания совершается в часы молчания, в одиночестве, когда мы можем сосредоточить всю нашу познавательную сущность на истинном значении писаний.

... Князю Ярославу Мудрому, тому, который украсил Киев прекрасными памятниками романского стиля, приписывают слова о книгах: "Книги суть реки, напоющие благодатью всю вселенную". И теперь, когда в пустыне или в горах вы видите одинокого путника, часто в его заплечном мешке найдется и книга. Вы можете отнять у него остальное имущество, но за книгу он будет сражаться, ибо он считает ее истинным сокровищем. Итак, приветствую вас как хранителей истинных сокровищ. Будем собирать и беречь их как благороднейший знак нашего дома.

1930

ОБОРОНА

Оборона Родины есть долг человека. Так же точно, как мы защищаем достоинство матери и отца, так же точно – в защиту Родины приносятся опыт и познания. Небрежение к Родине было бы прежде всего некультурностью.

Культура есть истинное просветленное познание. Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества. Культура есть красота во всем ее творческом величии. Культура есть точное знание вне предрассудков и суеверий. Культура есть утверждение добра во всей его действительности. Культура есть песнь мирного труда в его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей для нахождения истинных сокровищ народа. Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к строительству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живет во всем мыслящем и сознательном. Культура защищает историческое достоинство народа.

Всякое культуризм есть невежество. Всякое против культуры сквернословие есть признак животности. Человечность и служение человечеству воздвигнутся от культуры. Нести знамя культуры – это значит охранить лучшие мировые ценности. Если мировое понятие близко душе человечества, то насколько же ближе и проникновеннее звучит слово о Родине.

Утверждение о Родине не будет отвлеченным, туманным понятием. Кто берется утверждать, тот и сознает всю ответственность подвига утверждения. Люди не могут удовлетворяться отвлеченностями. В мире все реально, и в высшей красоте реальны сияющие вершины. На земле покоится вершина. На кристалле мысли зиждется осознание Родины в общечеловеческом ее понимании. Защита Родины есть защита и своего достоинства.

Защита Родины есть и оборона культуры. Поверх каждодневной пыли сияет понятие Родины. Тот, кто осознает это понятие, прекрасное и нерушимое, тот может почитать себя сознательным работником культуры. В трудах, среди препятствий, будто бы необоримых, находятся молодые силы. В любви к человечеству, в любви к Родине найдут молодые сердца неосудимое, светлое стремление к подвигу. В этом русском слове – в подвиге – заключено понятие движения, преуспевания и неустанного созидательства.

Великая Родина, все духовные сокровища твои, все неизреченные красоты твои, всю твою неисчерпаемость во всех просторах и вершинах мы будем оборонять. Не найдется такое жестокое сердце, чтобы сказать: не мысли о Родине. И не только в праздничный день, но в каждодневных трудах мы приложим мысль ко всему, что творим о Родине, о ее счастье, о ее преуспевании всенародном. Через все и поверх всего найдем строительные мысли, которые не в человеческих сроках, не в самости, но в истинном самосознании скажут миру: мы знаем нашу Родину, мы служим ей и положим силы наши оборонить ее на всех ее путях.

1936

САМОНУЖНЕЙШЕЕ

Что же делать? Нужно делать самонужнейшее. А разве мы не делаем именно это нужнейшее в каждодневной работе? Конечно, всякая сознательная работа – уже нужнейшая, но бывают настолько сложные и уплотненные времена, что и среди нужной работы следует выбирать наисамонужнейшую.

Как же уследить, которая работа будет наиболее неотложной? Даже если будем применять и внимательность, и заботливость, о чем так много всегда говорилось, то все же не может ли случиться, что особая спешная работа может потонуть в рутинных занятиях? Вот именно это обстоятельство и приходится особенно иметь в виду в дни особых сложностей.

Даже и среди рутинных занятий как будто нет таких, которые бы можно назвать ненужными. Иначе они были бы вообще изъяты из трудового обихода. В настоящем обиходе ведь все как будто нужно и не излишне. И все же так зорко нужно уследить за всем тем, что является в данный момент руководящим.

В морском деле существует приказ "действовать по способности". В такие ответственные минуты каждому поручается проявить лучшие свои способности познания, находчивости и мужества. Этим многозначительным приказом как бы вызывается из недр существа чувство особой ответственности и высокой обязанности. Приказ апеллирует к лучшим качествам души.

Но может быть и другой приказ, переносящий внимание не только на личные качества, но именно на окружающие обстоятельства. Такой приказ может гласить "действовать по надобности". В нем, вызывая в себе лучшую находчивость и подвижность, придется облечь себя в ответственность, в такую ответственность, которая позволила бы правильно судить об окружающих обстоятельствах.

Деятель должен брать на себя решить, действовать ли ему, или, для пользы дела, выжидать. Такое выжидание тоже будет своего рода действием. Ведь оно не будет просто медлительностью, преступным промедлением и отложением – оно будет лишь координацией многих, незримых для других людей, обстоятельств. Если же деятель решает действовать, то как же осмотрительно и неотложно он должен избрать лучшие пути действия. Ведь колеблющийся перенос удара уже во время нанесения его лишь ломает даже самое лучшее оружие. Неопытный рубака может раздробить самый ценный клинок.

Среди множества представляющихся действий не так-то легко деятелю избрать ближайшее и наименее нужное. Говорят, что опытность даст наилучшие чувствования. Сколько раз обманывает расчет и сколько раз торжествует справедливое чувствование.

Воспламененный и окрыленный чувствованием деятель может разобраться во всем комплексе создавшихся обстоятельств. Все эти дела дней сих как будто одинаково нужны, как будто и неотложны, и насущны. Но это лишь мираж. Среди них есть и старые, уже изжитые пути, но, конечно, имеются и новые, живописные. Тот, кто, несмотря на всякие опасности и препятствия, усмотрит живоносность, тот уже уследит и самонужнейшее. Он не удивится, что это самонужнейшее будет окружено наибольшими опасностями и трудностями. Ведь тьма будет особенно насторожена там, где просто является жизнь.

Выбрать самонужнейшее никогда не значит полюбить наилегчайшее. Самонужнейшее не будет наилегчайшим. В миражах всякой легкости достижения будет нехорошая майя. Даже в сказках всегда предлагаются три пути, причем путь с наименьшею потерей будет самым малым. Где велика ставка – там и больше нахождение. Там и ручательство.

Кто-то скажет, но ведь это в сказках. До сказок ли сейчас, когда сердце разрывается от тягостей жизни? Но в тех же сказках всегда говорится – "скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается". Тем самым достаточно показывается, что между словами сказки остается много нерассказанного дела. А ведь где дело перед действием, там и много трудностей.

В исторических повествованиях мы видим обычно лишь символические иероглифы достижений. Видим, так сказать, барсовы прыжки. Но даже самому могучему барсу сколько приходится преодолеть, прежде чем он может сделать победоносный прыжок. Когда барс лежит, накапливая грядущий прыжок, разве он бездействует? Шакалы своим воем и визгом сопровождают все свои намерения. Но ведь это шакалы.

Из звериных примеров нужно выводить представление о какой-то кровожадности в действиях. Кровожадность уже – грубость и жестокость, и потому она неуместна в обиходе грядущем. Истинные, достойные действия всегда будут именно далеки от жестокости и кровожадности. Но в них будет твердость и неуклонность. И еще будет и стремление, и нахождение новых путей. Даже колодцы на путях иссякают. Нужно время, чтобы влага вновь набралась из почвы. Если место колодца выбрано правильно, то влага непременно соберется; лишь дайте нужное время для этого нового образования. И в то же время не обрушьте в

колодец грязного мусора. "Не плюй в колодец – придется воды пить".

А сколько раз неразумные путники ухитрились наплевать в свой же колодец, в надежде, что им-то не придется более воспользоваться этой водой. А вышло как раз наоборот.

Знаю, что вы очень напряжены, чувствую, что самонужнейшее где-то очень близко и требует сосредоточения всего внимания. В природе бывают такие настроенные моменты. Перед своим наибольшим взрывом природа точно настораживается и даже замолкает. Путники знают, как перед бурей замирает ветер, а кто-то неопытный примет эту тишину как лучший момент для прогулки.

Знаю, что нельзя не волноваться внутренне, когда стучится самонужнейшее. Именно стучится, отбивая этот внутренний стук и во внешних ударах настоящего часа. Где внутренне, а где уже и внешне закипают эти наслоения. В кипении и в искрах, и в брызгах раздробляется лик самонужнейшего. Сколько признаков могут быть приняты именно за то, что лучше всего и неотложнее всего. И где мера великих или малых признаков?

Каждый может поведать множество историй о том, как люди не опознавали самое для них наинужнейшее. Когда же оно уже проходило и было безвозвратным, только тогда эти слепцы прозревали и хватали себя за волосы.

При каждом отбытии океанского судна вы непременно увидите жалобную фигуру опоздавшего. Но корабль уже отошел, мостки давно сняты, и жалкие жесты оставшегося сливаются с развевающимися платками проводивших. А ведь, может быть, этот опоздавший должен был плыть именно на этом корабле, но задержало его ничтожнейшее обстоятельство. Так много самонужнейшего надвинулось. Гремят все приказы: "действовать по способности", "действовать по надобности", "действовать по неотложности".

В тоекратности действия – по способности, по надобности, по неотложности уже обозначаются черты самонужнейшего. В этих благородных напряжениях найдется оно – таинственное и неизбежное самонужнейшее. Чем моложе сердце, тем оно скорее ощутит зовы этого самонужнейшего. А ведь молодость сердца исчисляется не количеством лет. Сколько бывает дряхлых и замороженных сердец у еще только вступающих в жизнь. Сколько бывает сердец, онемевших беспричинною грубостью и жестокостью, когда они выражают свое жестокосердие во всех повседневных методах действия. Даже собрав все накопления, и то можно почувствовать недостаток твердых, объемлющих выражений.

Самонужнейшее прежде всего требует для своего опознания объемлемость, требует синтез, который всегда будет истинным признаком культуры. Вы можете справедливо настаивать на том, что задачи культуры всегда будут являться главными чертами наинужнейшего. Это правильно. Но и среди задач культуры одни будут как бы задачами многолетними, другие будут требуемыми неотложно, мгновенно. Опять придется разобраться в сердце своем, которая же из этих лучших задач, в свою очередь, будет самонужнейшей?

Думайте, думайте, думайте! Самонужнейшее требует напряжения мысли. Лишь в напряжении этой энергии вспыхнет огонь, в блеске которого самое, казалось бы, сокрытое самонужнейшее выявится вдруг. А размеры этого грозно-прекрасного лика не ужаснут, но привлекут и наполнят сердце новой победною силою.

"И как над пламенем грамоты тайной неясные
строки вдруг выступают,
Так выступит, вдруг, пред тобою видение".

БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬСТВО

Насколько многое, очень знаменательное и благожелательное, остается нигде не записанным! Сегодня мы слышали, что Русская Пекинская Духовная Миссия была сохранена благодаря личному ходатайству Таши-Ламы. В истории верований такой благой знак должен заботливо сохраниться. Около религий, к сожалению, слишком много накапливается знаков холода и отрицания. И вот, когда вы в старом Пекине слышите прекрасный рассказ о том, как многие священнослужители и религиозные Общества шествовали к Таши-Ламе просить его о сохранении Православной замечательной Миссии, хранящей в себе так много традиций, и узнаете, как доброжелательно было принято это обращение, – вы искренне радуетесь. И не только это обращение было принято дружелюбно, но и оказались желательные исследования; и в историю Православной Миссии будет внесен этот замечательный акт высокого благожелательства.

Когда человечество обуюно бесами злобы и взаимоуничтожения, тогда всякий знак утверждения и взаимной помощи будет особенно ценным. Конечно, о доброте и доброжелательстве Таши-Ламы многое известно. Но одно дело, когда это рассказывается его соплеменниками, и совершенно другое, когда чуждые люди тоже имеют при себе такие свидетельства добрые.

Люди очень часто не отдают себе отчета, насколько ценно само запечатление добрых знаков. Существуют особые типы людей, которые предостерегают против всякого энтузиазма и даже против громко сказанного доброго слова. Конечно, при таком образе мышления все погружается, если не во мрак, то, во всяком случае, в серенькие потемки. Противники всякого энтузиазма хотели бы приучить людей ни на что не отзываться, никак не реагировать и быть к добру и злу постыдно равнодушными.

В наши смутные дни особенно много таких серых жителей. В значительной мере, именно, на них лежит ответственность за глубоко всосавшуюся в общественный строй смуту. Смута потрясающая, а к тому же, сама в себе дрожащая, является ничем другим, как бесформенностью, безобразием. Само слово смута, смущенность, недалеко от извращенности, сомнительности и боязливости. В смуте рождаются неясные намеки. Она же порождает всякие анонимные наговоры. Когда сердце теряет трепет восторга, оно может впасть в трепет смущения. Насколько трепет восхищения будет устремляющим ввысь и прекрасным, настолько трепетание смущения будет ограничивающим, понижающим, устранным. А что же может быть безобразнее зрелища страха? Самые высшие понятия чести, достоинства, преданности, любви, подвига, ведь они могут быть нарушены и обезображены, именно, страхом. Страх ради люди могут промолчать, отречься и предательствовать. И какое множество молчаливых отречений и трусливых замалчиваний явлено в повседневной жизни.

Для отречения не нужно никаких высоких слов или прекрасных обстановок. Обычно, именно отречение, замалчивание, умаление – хорошо сочетаются с сумерками. Они живут в серости, когда четкие формы выедаются потемками и все делается неопределенным. Неопределенность помыслов, нерешительность и есть именно смута. Смущенность не поет, не слагает красивые формы, но в дрожании искривляет все отражения. Так, пролетающая птица неопределенно касается тихой водной поверхности, и надолго после такого пролета задрожат только что прекрасно отразившиеся формы.

От смуты, от страха нужно лечиться. Так же как от многих болезней нужно предпринимать длительное восстановление сил, так же нужно воздействие и от смуты. Нельзя позволить смуте гнить в язвах и нарывах. Новые сильные мысли и мощные действия будут спасительны, чтобы вывести смущение духа в обновленное состояние. Конечно, одною переменою места или житейских условий смущение еще не будет осилено. Дух в сущности своей, сознание должно поразиться чем-то; а еще лучше – чем-то восхититься.

Невозможно допустить, чтобы восхищение, иначе говоря, энтузиазм, не были бы доступны даже смущенным душам. Все-таки бывают же такие действия, такие положения в мире,

которые заставят сердце восхититься и тем самым выйти из смущенных дрожаний. Прекрасное творчество, высокое знание, наконец, чистосердечное стремление к Горнему Миру – все чудеса, которых так много в жизни земной, легко могут уводить даже поникший дух в сады восхищения.

Бели люди попытаются вычеркнуть из бытия своего, иногда ими осмеянное слово энтузиазм или восторг, то чем же они заполнят эту страшную пустоту в своем сознании? В этом запустелом сердце поселятся тоска и неверие, появится та мертвенная затхлость, которая свойственна заброшенным пустым помещениям. Входя в заброшенный дом, люди говорят: "Придется долго обживать его". И правильно, такая заброшенность угрожает даже и физическими заболеваниями.

Обжить жилье это еще не значит просто зажечь огонь. Потребуется, именно, человеческое присутствие, иначе говоря – биение человеческого сердца, чтобы оживить, одухотворить замершую жизнь.

Одним из простейших одухотворений будет каждое сведение о каком-либо добром и необычном в благожелательстве действии. Итак, будем радоваться каждому добру. Ведь оно уже рассеивает чье-то смущение и заменяет безобразие красотой.

1934

ВЗАИМНОСТЬ

"Взаимность есть основа соглашений".

Сколько раз эта старая французская поговорка повторялась. Твердилась она и на лекциях международного права, и при заключении всяких договоров. Наконец, произносили ее в бесчисленных случаях всяких жизненных пертурбаций.

Не только сама непреложная истина заключена в словах поговорки. Каждый человеческий ум на всех ступенях своих отлично понимает, что без взаимности всякая договоренность будет лишь пустым и стыдным звуком. Без взаимности непременно будет участвовать ложь, обман, который рано или поздно даст все последствия, творимые обманом.

Вот мы говорили о добровольности. Но и взаимность может расцвести лишь на основе доброй воли. Ничем нельзя вызвать так называемую взаимность, если этот прекрасный цветок не расцветет лотосом сердца.

Волны бьются о скалы. Скалы встречают их без взаимности. Правда, волны могут источить скалы. Волны могут образовать целые подводные пещеры и в постоянстве своем могут разрушить каменных гигантов. Но ведь это будет не соглашение, не договоренность – это будет натиск. Это будет насилие, а всякое насилие непременно окончится тем или иным разрушением. Поднявший насилие от насилия и погибнет.

В примере волн и скал как бы встретились два несогласимых элемента. Но даже и скалы, если их породы позволили бы, они могли бы ввести даже противоположное начало в полезные для бытия каналы.

Но вряд ли можно предположить, что сердца человеческие так же мало согласимы, как вода и камень. Ведь даже и вода может быть в твердом состоянии, и породы камня могут издавать влагу. И ведь эти элементы лишены сознания. По крайней мере, их сознание нам недоступно. Но не может же быть такого человеческого сердца, которое, с одной стороны, не могло бы дать влагу благодати, а с другой стороны – не было бы способно к алманту мужества.

Общая всем векам и народам человечность все-таки неистребима. Какими бы наркотиками, алкоголем и никотином ни убивать ее, она все-таки как-то и где-то может быть пробуждена.

Великий преступник бывает трогательным семьянином. Значит, если его чувства все-таки способны пробудиться по отношению к своему – тем самым, при каком-то усиленном

процессе, они могут быть продолжены и ко всему сущему. Сейчас уже не ставится идеал Святого Франциска Ассизского, говорившего даже волку – "брат волк". Даже не задается идеал подвижников, обладавших сердечным языком, понятным и птицам, и животным. Помимо этих высоких идеалов, слыша о которых люди обычно восклицают: "Мы ведь не Франциски", может быть основание общечеловечности.

На этой сердечной основе все-таки можно открыть даже самое затворенное сердце. Помимо всех своих торговых дел, о которых сами люди сложили тоже поговорку: "Не обманешь – не продашь", помимо всей многообразной торговли, люди не могут избежать прикосновения к духовным сферам. Люди, не привычные к таким касаниям, иногда вместо благодати ощущают даже болезненность. Это происходит от непривычки к таким ощущениям. Ведь человек, никогда не ощущавший электрической искры, всегда уверяет, что даже малейший разряд для него крайне чувствителен. "Так меня и обожгло", или "Так меня и пронзило", говорит новичек, а вскоре, при повторности, даже и не замечает еще больших разрядов.

Конечно, эти восклицания происходили вовсе не от повышенной чувствительности, а от закоренелого предубеждения. Разве не бывает именно такое же нелепое предубеждение и в человеческих отношениях, где волна разумности и сердечности бьется о скалу враждебности или тупости.

Странно и то, что люди так часто воображают взаимность в деле какой-то официально государственной договоренности. Но ведь без семейной, дружеской и общественной взаимности, какая же может быть речь о государственности? Потрясая основы общежития, люди тем самым потрясают и все прочие основы. Можно потрясти основы брака и в результате государство получит целые миллионы внебрачных, беспризорных, дичающих подростков. Можно сделать гнусную шутку из употребления всяких ядов, и можно окончить почти отравой целого народа. Разве мы не видим примеры?

В каждом из таких случаев, превратившихся в народное бедствие, в начальной основе можно бы усмотреть какое-то тупо-эгоистическое действие. Кто-то один помыслил лишь о своем самоуслаждении или преступной выгоде, и от этого одного злобного уголька вспыхнули пожары народных бедствий. Поистине, озверелый эгоизм есть, прежде всего, враг взаимности.

Общежитие дает множество возможностей для воспитания взаимности. Ведь все чувства должны быть воспитаны. Но много истинной человечности и терпимости нужно проявлять, чтобы сама идея взаимности могла бы расти свободно и добровольно. Взаимность напоминает и об ответственности. Ведь каждый, отказавший в предложенной ему взаимности в делах блага, тем самым принимает на себя и тяжкую ответственность. Во взаимности сочетаются и разум, и сердце. Сердце по благодати чувствует, где оно должно простирать свое благоволение. С другой стороны, разум напомнит о той ответственности, которая будет порождена жестокостью или невежеством.

Опыт маленьких сотрудничеств малых ячеек, собравшихся для добротворчества, дает многие испытания возвращению взаимности. Все лучше испытывать, прежде всего, на обиходе. Посмотрите, как будут претворяться обиходные будничные задачи и столкновения, и вы поймете: как в мегафоне, они отразятся во всеуслышание. Самость и самовыгоду можно проверять тоже по мегафону. Какой ужасный раздирающий рев и вой может получиться из самого, казалось бы, ничтожного домашнего недоразумения.

Недаром в старинных школах жизни руководитель подчас умышленно бросал испытание терпимости и взаимопонимания. Тем, кто в сердечности не мог понять нужное, те хотя бы по разуму могли предостеречь самих себя от возникающей ответственности. Можно ударить по какому-либо звучащему предмету в одном углу дома и получить отзвук в неожиданно противоположном помещении. Совершенно также точно и в создании ответственности и взаимности.

Если бы только люди могли скорее осознать, что для блага народных преуспеваний взаимность не должна оставаться в пределах поговорки, но должна войти как основа

сотрудничества,

"Взаимность есть основа соглашений".

1935

СТОЙКОСТЬ

Встает передо мной нечто незабываемое из моей первой выставки в Америке. В одном из больших городов местный богач и любитель искусства приветствовал меня большим парадным обедом. Все было и обширно, и роскошно, присутствовали лучшие люди города. Как всегда, говорились речи. Хозяин и хозяйка, оба уже седые, радушно и сердечно беседовали с гостями. Во всем была полная чаша, и хозяйка обратила мое внимание, что все комнаты убраны в синих и лиловых цветах, и добавила:

"Именно эти тона я так люблю в Ваших картинах".

После обеда одна из присутствовавших дам сказала мне:

"Это очень замечательный прием", и пояснила: "Вероятно, это последний обед в этом доме".

Я посмотрел на мою собеседницу с изумлением, а она, понизив голос, пояснила:

"Разве Вы не знаете, что хозяин совершенно разорен и не дальше как вчера потерял последние три миллиона".

Естественно, я ужаснулся. Собеседница же добавила:

"Конечно, это тяжело ему, особенно принимая во внимание годы. Ведь ему уже семьдесят четыре".

Такое несоответствие услышанного со всею видимостью, а главное, с видимым спокойствием хозяев, было поразительным. С тех пор я стал интересоваться особенно их судьбою. Оказалось, через три месяца после этого обеда они уже жили в своем гараже. Казалось бы, все было потеряно, а через три года этот же деятель был опять в миллионах и жил в прежнем доме-дворце.

Когда я говорил его знакомым о моем удивлении, почему многочисленные друзья и, наконец, город, которому он пожертвовал так много, не помогли ему, мне сказали:

"Во-первых, он не принял бы помощи, а во-вторых, такие бури жизни ему не впервые".

Этот последний разговор происходил в большом клубе, где в спокойных креслах около окон сидело много почетных людей, читая газеты и беседуя. Мой собеседник, указывая на них, сказал:

"Все это миллионеры. Спросите их, сколько раз каждый из них переставал быть миллионером и вновь им делался".

А члены клуба продолжали спокойно читать и весело беседовать, как будто бы никогда никакие житейские бури не проносились над ними. Я спросил моего приятеля, как он объясняет себе это явление? Он пожал плечами и ответил одним словом:

"Стойкость".

Действительно, это понятие стойкости должно быть отмечено среди других основ, нужных в жизни. Мужество – одно, доброжелательство и дружелюбие – другое. Трудолюбие – третье. Неустанность и неисчерпаемость – четвертое. Энтузиазм и оптимизм – пятое. Но среди всех этих основ и многих других, так нужных, привходящих светлых утверждений, стойкость будет оставаться, как нечто отдельное, незаменимое и дающее крепкое основание преуспеянию.

Стойкость вытекает из большого равновесия. Это равновесие не будет ни холодным расчетом, ни презрением к окружающему, ни самомнением, ни себялюбием. Стойкость всегда будет иметь некоторое отношение к понятию ответственности и долга. Стойкость не увлечется, не поскользнется, не зашатается. В тех, кто шел твердо до последнего часа, всегда

была стойкость.

В наши дни смущений, многих разочарований, узких недоверий, должно быть особенно благословенно основное качество стойкости. Когда люди так легко впадают в самую непристойную панику, именно стойкий человек внесет здравые понимания и удержит многих от ужаса падения в хаос. Когда люди сами себя стараются убедить во всевозможных древних небывальщинах, именно стойкий человек поймет в сердце своем, где есть безопасный выход. Когда люди впадают в такое безумие, что даже краткий шквал им уже кажется нескончаемой бурей, именно стойкость напомнит и о соизмеримости.

Может быть, скажут, что стойкость есть ничто иное, как благоразумие. Но будет вернее сказать, что из благоразумия порождается также и стойкость. Ведь в понятии стойкости уже есть совершенно реальное выражение. Стойкость нужна именно здесь, на земном плане, где так много обстоятельств, от которых нужно устоять. Потому-то так полезно среди множества понятий благоволения, сотрудничества и преуспевания усмотреть смысл и ценность стойкости. Недаром люди с особенным уважением всегда подчеркивают, как стойко человек выдерживал то или иное нападение, напряжение или неожиданные удары. Подчеркивается в таких случаях и зоркость, и находчивость, но всегда будет отмечена и стойкость, как нечто положительное, прочно стоящее на чем-то осознанном. Как пример стойкости и выдержки, вспоминается одна быль из Сан-Франциско.

Приехал иностранец. По-видимому, был богат. Был принят всюду в обществе. Приобрел много друзей. Укрепилась за ним репутация хорошего, доброго и богатого приятеля. Тогда он поехал к особо выказавшимся новым друзьям с просьбой одолжить ему десять тысяч долларов на новое дело. Произошло нечто любопытное, хотя и очень обычное. У всех его друзей нашелся достаточный предлог, чтобы отказаться или уклониться от этой просьбы. Мало того, в обществе сразу пробежало отчуждение и холодное отношение к нему. Тогда иностранец поехал к некоему человеку, который с самого начала относился к нему довольно холодно. Объяснил ему дело и просил десять тысяч. На этот раз была вынута немедленно чековая книжка и написана сумма. На следующий день иностранец вновь приезжает к тому же лицу. Тот спрашивает:

"Разве что-нибудь случилось, или Вы неверно вычислили цифру; может быть, она мала?"

Но иностранец достал из кармана вчерашний чек, отдал его хозяину и сказал:

"Деньги мне не нужны. Я лишь искал компаньона, которым и предлагаю Вам быть".

Всем же остальным так называемым друзьям, которые опять обернулись к нему, он сказал:

"Вы меня кормили обедами; помните: мой стол всегда накрыт для Вас". – Мистер Л. в Сан-Франциско помнит это.

Сколько поучительных страниц дает сама жизнь. Воображение есть ничто иное, как припоминание.

1935

ДОСТОИНСТВО

Даже в низших школах учащиеся уже слышат о многих династиях, в десятках сменявшихся в разных странах. Эпически спокойно упоминаются эти коренные смены, точно бы это было свивание новых спокойных гнезд. Никто не говорит о том, что одинаково можно было бы сказать: или десятки смен династий, или десятки трагедий.

Много ли можно припомнить совершенно мирных смен правления? Почти каждое из них сопровождается потрясениями или убийствами и всякими ужасами. Именно, настоящая трагедия лежала в основе каждой такой смены. Ведь не только она касалась главы правительства, вместе с главным управлением; обычно сменялись и целые классы, сменялась психология народа, сменялась цель устремлений.

Болезненно наслаивались новые ритмы. Крик и ужас сопровождали их, а теперь, в смене

веков, в школах спокойно говорится о смене династий. Не только ученики, но и профессора сами подчас забывают, что скрывается под этой эпикой. Когда говорится о войнах, о морах, о всяких других катастрофах, то естественно трагическая сторона запечатлевается в самом выражении, в самих словах. Но смена династий звучит очень мелко и спокойно. Смена условий жизни в представлении народа тоже звучит спокойно, а между тем, под этими эпически ясными словами, скрыта целая буря, часто многолетняя, со многими ужасами разрушений.

Почему-то даже среди начальных школьных курсов следует усвоить более точную и выразительную номенклатуру. Выразительные определения давних исторических событий укрепят сознание молодежи. С одной стороны, они посеют зерна энтузиазма и героизма, а с другой стороны, охранят от отчаяния.

"Всякое отчаяние есть предел, сердце есть беспредельность". "Красота заключена в каждом участии в построении. Это истинная область сердца. Желанное очищение жизни дает торжественность, как свет неугасимый". Где же то чувство, где же та субстанция, которой наполним Чашу Великого Служения? Соберем это чувство от лучших сокровищ. Найдем части его в религиозном экстазе, когда сердце трепещет о Высшем Свете. Найдем части в ощущении сердечной любви, когда слеза самоотвержения сияет. Найдем среди подвига героя, когда мощь умножается во имя человечества. Найдем в терпении садовода, когда он размышляет о тайне зерна. Найдем в мужестве, пронзающем тьму. Найдем в улыбке ребенка, когда он тянется к лучу Солнца. Найдем среди всех уносящих полетов в Беспредельность. Чувство Великого Служения беспредельно, оно должно наполнить сердце навсегда неисчерпаемое. Священный трепет не станет похлебкою обихода. Самые лучшие Учения превращались в бездушную шелуху, когда трепет покидал их. Так среди битвы мыслите о Чаше Служения и принесите клятву, что трепет священный не оставит вас".

"Древние заветы о священном трепете должны быть поняты в большом сознании. Именно теплота и жар этого трепета охраняют сердце от холода, от того самого страшного мертвенного холода, который прекращает всякое общение".

"Сколько можно наблюдать совершенно мертвых двуногих, мертвецов бродячих, которые одним своим приближением уже опоганивают и оскверняют даже такие места, где уже слышалось и ценное, и возможно прекрасное. Именно, не отвлеченный приказ, но терпеливо вложенное, новое понимание может остеречь заболевающих страшную эпидемией разложения. Действительно, ужасно зрелище разлагающегося тела. Но ведь и во время жизни такое разложение бывает. Если чисто физические меры могут предотвращать такое состояние, то сколько духовных воздействий могут быть, как лучшая профилактика".

"Духовные лечения помогут не только предотвратить и телесные осложнения, они не только остановят разложение духа, но в действительности своей они дадут иссушенному духу здоровое, поступательное движение. Ведь дух как тончайшая субстанция так близок к пространственным вибрациям, так близок к движению".

Если подсказать вовремя начинающему деятелю жизни, какие сложности, как прекрасные, так и ужасные, заключены в краткие формулы эпики, то такая трансмутация навсегда укрепит направление этого путника. Если он поймет всю трагедию причиненной боли и скорби, то он в своих действиях найдет более достойные, можно сказать, более культурные пути выполнения. Само чередование оборотов спирали эволюции будет строиться с большим сохранением достоинства человеческого. В сердце своем человек ощутит и горечь трагедий, и высокий восторг служения и героизма.

ЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ

Уберегайте весь быт от всякого пустословия. Не совсем вижу, именно, как переведете на разные языки это очень точное и многозначительное выражение – пустословие. На некоторых языках оно имеет равнозначашее слово, но на других пришлось бы выразить его описательно, а это всегда нежелательно.

Когда говорим о всяких многозначительных понятиях, как добрых, так и темных, то подчас, наряду со словами страшными, вроде предательства, присоседится и такое, как бы малозначительное слово, как пустословие. Кто-то скажет: "Странно, если понятие пустоты может иметь значение, а тем более – вредительское".

Но пусть тот, не вдумавшийся в сказанное им, раскинет умом, сколько подлинного вреда было нанесено ничем другим, как пустословием. Произносится это пустословие – "просто так", "просто сказалось", "просто зря". А выходит оно совсем не просто. Ведь "просто" есть хорошее слово, ибо всякая простота во всех приложениях уже хороша. Но то-то и есть, что произносящий эту лжесакраментальную формулу "просто так" – не имеет ничего общего с подлинною простотою, а ближе всего и чаще всего имеет отношение к невежеству.

Нередко бывает, что человек вспоминает самые грубо примитивные действия и помыслы и уверяет, что в них он чувствовал себя проще. Но ведь это не была простота, – просто была одичалость. Таким порядком похуляется прекрасное понятие просвещенной простоты.

Особенно же часто всякие похуления произносятся среди бессмысленного пустословия. Из него же вытекает и сквернословие, вредительское осудительство и вообще всякое небрежение. Когда весь мир содрогается в смущениях и в судорогах, тогда особенно невыносимо всякое пустословие. Времени так мало. Не хватает мгновений на выражение самого нужного, самого значительного и неотложного. И эти драгоценнейшие, неповторимые часы безумно растрачиваются на загромождающее пространство пустословия. Нередко так любят позорное пустословие, что называют его отдыхом. При этом говорится: "Не все же толковать о серьезном, просто поболтаем". А вдумайтесь в это поверхностное выражение "поболтать" и вы увидите, что оно не может в существе своем успокаивать, а будет вести к раздражению. Хорошо возмущать воду, если это имеет какой-то значительный, благой смысл.

Болтание почти противоположно смыслу, а все бессмысленное, не будем доказывать, непристойно. Кто может сказать, когда из несерьезного произрастает серьезное? Кто возьмется судить, какое именно сорное семя быстрее всего заглушит бережливые посадки? Вряд ли имеется садовник, который наряду с бережливими, полезными посадками будет также забывчиво рассеивать семена сорняков. Такой пример, казалось бы, совершенно ясен, но в том-то и дело, что пустословие не считается сорняком. Сорные травы, сорняки, растут при грязных дорогах или около заброшенного жилья, и всяких развалин, и навозных куч.

Если пустословие подобно сорнику, то и места произрастания его этим определяются совершенно точно. Пустословят на грязных дорогах, в обветшалом, пыльном обиходе. Пустословят от безделья, от невежества, от отупения. А ведь всякое отупение поведет к огрубению – к той самой ужасной грубости нравов, которая противоположна не только всякой культуре, но и цивилизации.

В огрубении человек теряет и чувство справедливости, и соизмеримости, и терпимости. Начинается огрубение от очень малого, от почти неприметной распущенности, бравады, от допущения множества маленьких знаков, которые, при зоркости и заботливости, не могли бы вообще произрости. На произрастании злаков можно учиться многим знакам жизни. Посмотрите, как изумительно настойчиво вторгаются всякие сорняки, а там, где сорняки, значит, там место было уже чем-то опоганено. В этом обиходном примере можно запомнить всю психологию, а может быть, вернее сказать, физиологию пустословия. Коротко говоря, пустословие поганит бытие.

Во многих формах приистекает такое поганое пустословие. Оно засоряет семейный быт, оно ожесточает сердца, наконец, оно загрязняет само пространство, ибо всякий звук не только не умирает, но претворяется и далеко, и высоко. Бывает, что в семейном обиходе

добровольно полагается штраф за произнесение бранного слова. Это хороший обычай. Не мешало бы также добровольно устанавливать пеню и за всякое пустословие. Чем же можно обусловить пределы пустословий? Определить это совсем не так трудно. Если человек может формулировать, с какою именно значительною целью он нечто сказал, то это уже не будет пустословием. Но если опять произойдет сакраментальное "просто так" или "я не подумал" – то это и будет в пределах пустословий, соринка бытия.

Не молчаливцами ли сделаться? Так, может быть, скажет человек, избегающий ответственности за говоримое им. Это было бы, прежде всего, трусливо, а всякая трусость уже будет невежеством. Казалось бы, насколько много дано всем, настолько богато и щедро все земное и Надземное, что не хватит времени взаимно утвердиться в этих прекрасных дарах. От привычки будет зависеть, чтобы время не тратилось на пустую болтовню и на безмыслие.

Возможно ли вообще состояние безмыслия? Поистине, заставить себя не мыслить еще труднее, нежели заставить себя думать. Мысль есть такое неотъемлемое, постоянное условие бытия, что нужно какое-то неестественное опьянение, чтобы организм пришел в состояние комы.

Когда люди сызмальства приучаются к значительному собеседованию и постоянному мышлению, то в этом естественном состоянии они получают истинную радость. Жизнь их наполняется значительностью. Каждый день и каждый час они могут дать себе отчет, что нечто созидательное исполнено.

Не раз говорилось, что и само сонное состояние не есть безмыслие. Во сне соприкасаются с тонким миром, во сне многому научаются и пробуждаются не только обновленными физически, как полагают, но и обогащенными духовно. Вероятно, многие замечали, что, засыпая с какою-то благою мыслью, они просыпались утром, мысленно твердя разрешение этой же мысли, очень часто в форме четкой и новой для них самих. Работа мысли безгранична.

Если эта область мысленной энергии так возвышенна и благородна, то имеем ли право засорять ее безмыслием и сорником пустословия? Это само собою казалось бы понятно, но все же должно быть начертано на скрижалях каждого просветительного учреждения и во всем быту государственном, общественном и семейном. Сейчас время трудное. Тем более нужно осознавать, где притаилось все сорное и вредительское.

Маски притворства и лицемерия многоличны. Подлинность и простота должны быть применяемы во всем их настоящем, ответственном значении. Это вовсе не отвлеченность, но та простая ответственность перед бытием, которая составляет долг каждого человека. И совсем нетрудно при исполнении этого высокого долга, прежде всего, отказаться от пустословия, от этого сорника, от этого пожирателя ценностей времени. Один такой отказ уже внесет в жизнь ту значительность, которая созвучит со всем прекрасным, Надземным и Вечным.

1935

МОНСАЛЬВАТ

Полагают, что человеческий организм, главным образом, развивается всяческим спортом. Естественно, что упражнения нужны, в особенности, когда они происходят на чистом воздухе. Но о способе упражнений существуют различные мнения. Полагается также, что главное гармоническое развитие должно происходить в нервной системе, а не столько в мускулах.

Нервным равновесием и здоровою нервною напряженностью человек достигает многого, чего никакими мускульными утрировками достичь нельзя. Все согласятся, что каждый односторонний спорт, выявляющий лишь определенную группу органов, есть нечто ограниченное

и, тем самым, нечто низшего разбора.

Правильно, что, прежде всего, нужна разумно использованная прана чистого воздуха. Также необходимо некоторое движение, естественное для человеческого организма. Если это движение не будет нарушать нервную систему и протечет не насильственно, то оно будет лишь правильным пособником развития тела и духа.

Всем известно, что в моменты нервного напряжения человек оказывается сильнее и выносливее всяких искусственных атлетов. Искусственное, ограниченное напряжение создает и ограниченное мышление. "Золотое равновесие" мышления происходит лишь при гармоническом равновесии всего организма. Прискорбно вспомнить о всяких современных "марафонах", которые тем или иным нелепым занятием выбивают никому не нужное число часов. Спрашивается, кого поучает или радует то обстоятельство, что человек может бессмысленно танцевать семьдесят два часа, а может быть и больше, уже являя при этом признаки безобразия. Кому нужен многочасовой поцелуй, который тоже является, в конце концов, безобразным зрелищем.

Если заняться анализом всяких современных "марафонов", то можно лишь убедиться в профанации старого имени, запечатленного в подвигах. Ведь после марафона греки шли в академию, где внимали и беседовали с великими учеными и философами. И, таким образом, вовсе не происходило однобокой, затягивающей в тину профессии. Другие испытатели скажут, что при должном гармоническом развитии нервной системы вовсе не требуется бешеных телесных движений. Известно, как перипатетики на прогулках беседовали о высших науках, гармонизируя тем самым и материальное, и духовное преуспеяние.

Уродливость чисто физических состязаний можно изучать, сравнивая, например, классические состязания в Греции с уже упадочными римскими цирковыми забавами. Греческие игры не требовали ни мучительства, ни крови, которые оказались так существенны в римских цирках. Увы, и теперь толпы людей привлекаются зрелищем казни. Вот в Германии теперь опять начали рубить топором головы женщин. Кажется, это происходит на тюремном дворе, но боюсь, что если бы такое зрелище вынести на площадь, то амфитеатр зрителей был бы и теперь, в наш "цивилизованный" век, битком набит. Если бы назначить цены местам для такого зрелища, то, кто знает, может быть, платили бы гораздо больше, чем за благотворительные билеты?

Пришлось слышать один рассказ, как некие дамы были очень огорчены, что казнь сожигания живьем была заменена простым удушением. Вот, куда оборачивается уродливое, ограниченное развитие лишь некоторых центров и инстинктов. Многие падения и одичания, именно, происходили от уродливостей и ограниченностей. Вздувался один какой-то мускул, обнаруживался один нарыв садизма или одичания, и прорвавшийся гной заливал весь мозг и сердце.

В противовес уродливо физическому развитию и однобоким ограничениям существует теория, что правильным упражнением нервной системы можно управлять и развивать мускулы и все органы. Конечно, мысль заставляет придать в движение и мышцы, и всякие другие функции. Существуют такие ограниченные люди, которые даже этой простой аксиомы не могут осознать. Но, тем не менее, в этом может убеждаться каждый, который того захочет. Иногда приходилось видеть людей, уделяющих сравнительно очень мало времени физическим движениям и, тем не менее, остававшихся в расцвете как мыслительной, так и физической возможности. Естественно, они не только устремлялись к высшим предметам, но и хотели жить и тем самым балансировали свои органы.

Ценить дары жизни. Хотеть жить для труда и пользы есть великий импульс, который помогает сильнее всяких прививок и массажей. Мыслительный массаж осознанный направит и должную энергию в ослабевший орган. Самая простая пранаяма, то есть, вдыхание праны и направление ее туда, где есть необходимость в укреплении и развитии, будет очень показательным примером.

В обиходе часто приходится видеть самую уродливую профилактику. Человек опасается бессонницы и не находит ничего лучшего, как предаться наркотикам или алкоголю. Или,

человек чувствует какие-то странные ему симптомы и, по невежеству, начинает курить или принимать яды, совершенно упуская из вида, что одно такое послабление потребует лишь усиления таких же вредных нелепостей.

Говорили о радости Служения. Но какая же радость может быть в агонии наркотиков, никотина или алкоголя? Это уже не радость развития и восхождения, но постыдное бегство во тьму.

Врачи знают также, сколько болезней имеют причиной своею увлечение современным спортом. Постоянно приходится слышать, что та или другая тяжкая, а подчас и неизлечимая, болезнь зародилась от спортивных излишеств. Самые различные органы бывают поражены, а более всего бывает переутомлено сердце. Сердечный невроз, не говоря уже о других, более серьезных поражениях сердца, дает себя чувствовать на всю жизнь, если не доходит до фатального разрешения.

Однобокие спортсмены, к тому же, мало пригодны даже среди обычной физической деятельности. Они оказываются какими-то набухлыми оранжерейными растениями, приспособленными лишь для одного какого-то выражения. Если всякая профессия вызывает и ограниченную специализацию мышления, то тем более спортивная специализация делает мышление уродливо однобоким. Если прислушаться к интересам боксеров и других подобных профессионалов или искателей призов, то очень часто можно усомниться в современной цивилизации.

За последнее время как будто потеряли остроту привлекательности бои быков. Впрочем, может быть, мы хотим ошибиться в этом. Может быть, нам хочется, чтобы они потеряли привлекательность, но где-то, может быть, по прежнему толпа ревет от постыдного удовольствия. Конечно, никто не сопричислит к профессиональным уродствам здоровое сокольство, которое может благотворно заполнять досуги. Так часто и разнообразно повторяется о золотом равновесии. И так мало выясняется его ценная сущность.

На подступах к Монсальвату, среди восходящих путников, вряд ли можно встретить профессиональных боксеров и ловцов призов. Другие деятели неустанно стремятся к высотам Монсальвата. Чтобы взойти, чтобы не убояться горных тропинок, чтобы претерпеть трудности, нужны не только физические усилия. У искателей Монсальвата найдется достаточно сил, чтобы не свернуть трусливо с намеченного пути. Необходимые для подвига физические силы будут почерпнуты не из призового источника. В прекрасном равновесии, без ущерба духовному росту, сердца, горящие Монсальватом, взойдут.

Монсальват – уготован. Произнесен на всех языках. В постоянном развитии не коснемся конечного, оконченного. Но ошибемся, приняв телесное за исход и венчание. Лишь духу сужден венец.

Отдадим себе отчет, в каких обстоятельствах зарождается представление о Монсальвате. Воспитатели не забудут, когда именно и почему возникло в жизни это ведущее понятие. На подступах к нему можно еще раз вспомнить, что ничего нет оконченного в великой относительности. Сколько раз каждому учителю придется повторить эту простую истину вступающим на трудовой путь.

В труде, в повседневности, казалось бы, так далеки высоты Монсальвата. Можно видеть людей, делающих сбережения и с нежностью приговаривающих: "Пригодится, когда пойду туда". Это не скупцы, которые, обуянные землею, закрепощают дух свой материальными сокровищами. Это сокола, расправляющие свои будущие крылья. И знают они, что им придется идти, им будет позволено идти. И прежде всего, в этом сознании будет избегнуто мрачное чувство одиночества, которое так мертвит и устрашает людей, в неведении пребывающих.

О высоком могут быть лишь высокие выражения. Слова подлые, обиходные, не укладываются около понятий высоких. Хотящим узреть, есть многое видимое. Для хотящих слушать, уже звучат голоса.

Монсальват – уготован.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ

Если удача зависит в большой степени от наших внутренних предпосылок, то как нужно научиться следить за собою, чтобы не отравлять пространство. Такая заботливость приучит к истинной бережливости. Мы не имеем права покушаться на чужую энергию – самовольно потратить чужие ценности. Ведь это нельзя как в материальном, так и в духовном плане. Между тем из самых, казалось бы, добрых намерений нередко происходит растрата чужих сил. При этом люди думают, что взяли от одного, а между тем самовольный заем произошел совсем от другого. Люди думают, что они оберегли что-то, а на самом деле они усугубили и отяготили.

Много раз приходилось видеть, как по незнанию даже друзья в самый напряженный момент посылали очень отравленные стрелы. Может быть, накануне очень ответственного действия именно дружеская стрела, опрометчиво пущенная, наносила опасную царапину. Конечно, предполагалась посылка стрелы по другому направлению, но пославший не рассчитал все внутренние связи и невольно задел именно то, что предполагал обереечь. И чем больше сотрудничество уже спаивалось, тем опаснее могли быть эти нерассчитанные удары.

Чувства любви и преданности должны бы достаточно предупреждать неосторожных лучников. Чувство доверия, как основа сотрудничества, должно бы напомнить об осторожности. Врожденное чувство доброжелательства должно бы создать осмотрительное благоволение. Но, очевидно, всех этих сочетаний недостаточно. Может быть, кроме сердечной заботливости, нужно развить в себе то, что называется бережливостью.

В каждом опрометчивом действии непременно будет вред и для других, и для себя. Если человек еще не научился вполне заботливо относиться к другим, то пусть он хотя бы и для себя самого поостережется. Всякое покушение на чужие ценности будет уже похищением, и вред от него будет тем же вредом, как от каждого покушения на чужое достояние.

Бережность или бережливость! Эти оба понятия вполне связаны, хотя на первый взгляд как бы имеют в виду различные действия. Приучение себя к понятию сотрудничества помогает осмыслить все трогательное значение бережности и бережливости. При осознанном сотрудничестве прежде всего разовьется уважение к действиям сотрудника.

Если кто-то что-то делает, то, значит, у него есть достаточное основание именно к этому способу выражения. Сотрудник, прежде чем заподозрить, что действие несовершенно, прежде всего отнесется с полным доверием и доброжелательством. Когда же после дружелюбного исследования поступка у сотрудника явится соображение, что нечто могло бы быть сделано иначе, то он всеми лучшими способами постарается разъяснить, почему его соображения более действительны.

Разве возможны среди сотрудников выражения, восклицания недружелюбия или злобы? Какие же они после этого сотрудники? Если в одном случае могла загреть и завизжать злоба, значит, это возможно и в другом случае. Кто знает, может быть, среди самого ответственного действия могут вспыхнуть те же самые языки алого пламени. Значит, вино еще не готово. Значит, сотрудничество еще не состоялось. Если же так многое еще не оформилось и не установилось, то возможно ли ответственное действие? Испытание всегда приходит на малом.

Есть старинная сказка о том, как некий царь заявлял, что он произведет очень серьезные испытания. Все готовились к ним и ждали их, и удивлялись, почему они отложены. Разве они вообще отменены? Но совершенно неожиданно все сотрудники были созданы и было объявлено новое распределение труда. Оказалось, что испытания уже произошли. Люди были испытаны на самых, для них незамеченных, обиходных проявлениях. Было отмечено, когда и кто раздражился, когда была неточность, когда была расточительность. Словом, все было взвешено в то время, когда люди ожидали, что испытания будут происходить в каких-то торжественных собраниях.

Люди выучили на тот случай какие-то благозвучные формулы. Запоминали наизусть изречения. Чертили на память формулы и вычисления. А в то же время в обиходе, сами того

не замечая, достаточно выявили свои внутренние качества и свойства.

Недаром в сказаниях и в высоких учениях говорится о неожиданности. Приготовить себя к таким жданным неожиданностям можно лишь постоянной настороженностью и бережливостью. Оберегая друга и сотрудника, люди оберегают самих себя. Когда же будет понято, что всякое неосновательное суждение есть уже признак неподготовленности к ответственным действиям? А ведь одно искривленное или нарушенное действие влечет за собой множество прискорбных искривлений. Выпрямлять эти искривления гораздо труднее, нежели вообще не допустить их.

Друзья! Будем очень бережливы, будем очень бережны.

1935

ПОЛЬЗА ДОВЕРИЯ

"...Наполнилось ли сердце всеми теми качествами, которые необходимы в работе для человечества? Умеет ли оно быть терпеливо и терпимо к маленьким ошибкам других и сознает ли громадные недочеты в себе? Не затемнено ли оно злостью, недоброжелательством, подозрительностью и полно ли оно доверием?

И тут же встает вопрос: а можно ли вообще всем доверять? Ведь иногда и под шкурой ягненка может скрываться волк. Не может ли иногда излишнее доверие породить губительство для дела? Не нужна ли сугубая осторожность даже с близкими? Особенно теперь, когда так много кругом предателей?

Вечные вопросы! Может ли быть писанный или сказанный ответ на них? Противоречия как бы совершенно очевидны. Очень ли много предателей? - Конечно, очень много, и малых и больших, и умышленных и неумышленных. Бывают ли волки в овечьих шкурах? Бывают, да еще какие. Можно ли вообще избежать этих вопросов? Нет, в различности жизни они неизбежны. Как же думать о них? Не наполнят ли такие думы сердце губительным ядом? Возможно ли доверие? Не лучше ли не доверять, чтобы тем уберечься от всякой возможности предательства?

Один очень просвещенный, начитанный человек тоже спрашивал, как поверить истине? Ведь могут быть всякие подделки. Могут быть явления с поддельным светом. Могут быть голоса лукавые. Такими соображениями этот, казалось бы, во многом утвердивший свое сознание человек довел себя до полнейшего смущения, даже вообще повредил качеству своего характера. Кроме того, он отказался от тех возможностей, которые ему уже предназначались. Наверное, он чувствовал всю боль, происходящую от его шатаний. Он нанес вред не только себе, но и своим близким. Единственным оправданием у него оставалось, что когда-то в жизни он ошибся.

Не сказалось ли в этой специфической мысли о бывшей ошибке какое-то или саможаление, или сомнение? Что же тут удивительного, если человек когда-то ошибся. Латинские и прочие древние пословицы достаточно напоминают о том, что ошибаться свойственно человеку. Конечно, все могут ошибаться, но дело лишь в том, какое последствие оставляют всякие ошибки в человеческом сознании. Для одного они сделаются источником постоянного пессимизма, который приведет их и к безволию, и к сомнению, и к озлобленности. Для других же случившиеся ошибки послужат лишь горнилом для выковывания новых, светлых достижений. Считать обиды – плохое занятие. Начать все неприятное переносить только на себя – уже будет каким-то заболеванием. Надуться, как мышь на крупу, – будет лишь признаком невежества.

Опытный мастер из каждой как бы происшедшей ошибки сумеет сделать новое, ценное дополнение к своему творению. Каждый скульптор, каждый резчик подтвердит, как ему приходилось сталкиваться с неожиданными особенностями материала и как он должен был проявить всю добрую находчивость не только, чтобы обойти это препятствие, но, наоборот,

сделать из него явную пользу. Почему-то слово стратегия отнесено лишь к физической войне. Ведь каждая духовная битва, вообще каждое жизненное искание и нахождение есть уже стратегия, в полном смысле этого слова. Даже в войсках начали вводить всякие охотничьи, спортивные и прочие исследовательские команды, Это делается для пробуждения духа находчивости, соизмерности к разборчивости в каждую минуту зримой или незримой битвы.

В подобных же опытных исследованиях найдется и та мера, которая позволит сохранить всю полноту и всю красоту доверия. Волки в овечьих шкурах и всякие предатели даже выслушаются и заслужат взгляд прискорбия, если почувствуется, что исправление их уже невозможно. Каждое предательское направление есть лишь еще один опыт распознавания, пробы клинка, хотя бы уже и закаленного на большом жаре. Но как бы ни была черна тьма, даже в самых зловещих потемках сердце не содрогается, когда оно полно великим служением. А ведь без доверия и служения человечеству невозможно. Без веры какая же будет надежда, а без них любовь превратится в ужасную гримасу.

Доверие, как дочь веры, охранит здоровье духа и здоровье тела. Именно через доверие, через самоотвержение достигается и открытие сердца. Вне веры, в протухшей засушенке или в надутый обидчивости не откроется сердце. Невежественная надутость приведет к обособленности. Такое самоизгнание прежде всего будет самоизгнанием из служения человечеству. В этом ужасе потеряется и бодрость, и находчивость, сузится кругозор и подорвется здоровье.

Никакие врачи, никакие порошки, никакие звериные гланды не спасут, когда подорвано самое основное, самое жизнедательное. Все лекарства, вся лекарственная природа, так широко предоставленная человечеству, хороша, когда она воспринимается с доверием. Но если доверие будет нарушено, то ведь оно нарушится решительно для всего. Человек не поверит людям, человек не поверит лекарствам и, наконец, не поверит себе. Опытные люди говорят: потеря денег – ничего, но потеря мужества означает потерю всего. Действительно, так оно и есть. Все может быть залечено, восполнено, но потеря чувства доверия будет значить уже утерю жизнеспособности.

Так повседневное сплетается с самым основным. Всюду думают часто: допущу это лишь сегодня, а завтра будет совсем другое. Ничего подобного: допущенное сегодня уже будет основой для завтра. Человек решил в сердце своем чего-то не делать; а сам взял и сделал; значит, он уже не поверил своему решению. Когда говорят о всяких соблазнах, ведь это не что иное, как нарушение самодоверия. Значит, не оказалось в запасе чего-то такого, самого важного, что могло бы перевесить и преодолеть какой-то случайный блеск. Мало ли случайного блеска в мире! Золотоискатели и всякие кладоискатели нередко бегут запыхавшись к какой-то блестящей точке, но она окажется или осколком стекла, или негодными кусками жести.

Распознавание правильно. Оно растет в саду оптимизма. При этом распознавании будет позволено добросердечно поговорить даже и с очень отсталым. Почему же не дать и ему живительную каплю, а кроме того, всякая беседа о благе будет истинным наполнением пространства. Добротворчество должно произрастать везде. Нет такого места в мироздании, где добротворчество было бы неуместно. И не только растительность напоминает людям о непрерывном сеянии. Возможно ли оно без доверия, без прямого действия ко благу? Каждый цветок пошлет пыль свою не во зло, а во благо. Пошлется семя без осудительства, без предрассудка. Добротворчество должно протекать везде. В этом будет ответ на все вечные вопросы, порождаемые лишь сомнением. "Пылайте сердцами – творите любовью".

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Люди часто говорят о явной несправедливости и в то же время упускают из вида знаки справедливости. Конечно, несправедливость очень очевидна и ощутительна, а справедливость проявляется настолько косвенно, что узкое мышление с трудом может сопоставить разные, как бы несвязанные явления. Действительно, пути справедливости бывают гораздо неожиданнее, нежели проявления несправедливые. Такая неожиданность, конечно, только кажущаяся. Истина протекает логическими путями, но объем действий ее превышает человеческий горизонт.

Человек совершает какую-то явную гнусную несправедливость. Посторонние зрители наблюдают, что извратитель истины не только продолжает существовать, но кажется даже отмеченным и как бы поощренным. Человеческим мерилам трудно осознать, что эти призрачные отличия лишь пути к эшафоту. Сам преступник продолжает радоваться, думая в низости своей, что его преступные проделки вполне удалась и возмездие невозможно. Но сказано: "Мне отмщение и Аз воздам".

Может пройти некоторое и даже значительное время, и около преступника, будет ли он личностью или сообществом, или народом, начнут аккумулироваться какие-то странные, совсем непредвиденные, неучитываемые обстоятельства. Те самые отличия и, казалось бы, удачи начинают обращаться в странные неприятности. Конечно, преступное мышление не обращает внимания на эти маленькие вспышки. В опьянении разгульного самохвальства темные не могут сопоставить и учитывать какие-то, как бы совсем несвязанные, дальние зарницы.

Происходят необыкновенно поучительные психологические моменты, которые могут дать мыслителю необычайные выводы. Но для этих выводов ведь нужно не только сосредоточиться, но прежде всего нужно иметь чистое мышление. А ведь этим свойством темные преступники не отличаются. Можно видеть, как даже тогда, когда на них уже начинает валиться нечто очень тяжелое, они все еще остаются далекими от распознавания истинных причин.

Неопытные люди спросят, почему справедливость иногда бывает как бы замедлена. И этот вопрос лишь покажет, что вопрошатель не вышел за пределы обыденности. Ведь это нам здесь, в наших условиях, представляются сроки или краткими, или длинными. Существуют же и другие более высокие и тонкие мерила. Когда человеческому мышлению удастся уловить эти тонкие процессы соответствий, сочетаний и последствий, тогда особый трепет возникает. Трепет осознания знаков справедливости. Древняя мудрость говорит: "Лучше быть обиженным, нежели быть обидчиком".

В этом сказано знание законов последствий. А сроки процесса неземными мерами познаваемы.

Только оглядываясь назад, юрист-философ может взвешивать и сопоставлять в восхищении.

Nil admirari. Римляне выражали этим не только пресыщенную холодность, но и сознание соответствий. Ведь не удивляться же справедливости.

Можно восхищаться этими высокими законами, которые в стройности что-то привлекают, что-то отталкивают и, в конечном итоге, все-таки получается огонь справедливости прекрасный. Преступник обжигается этим огнем. Именно обжигается, т.е. себя обжигает. Он сам к огню приближается. Он не может уже отклониться от пути справедливости.

Народ верит, что убийца привлекается к месту убийства. В этом сказывается глубокая народная мудрость. Преступник привлекается не только к физическому месту, но он самововлекается в орбиту безысходности. В отупении преступник долго будет воображать, что он избегает опасных для себя положений. Ему будет казаться, что именно ему удалось не только уйти от возмездия, но даже и получить несомненную выгоду от совершенного темного дела.

"Бог наказать захочет – ум отнимет". Именно затемнение ума сопутствует злым делам. Напрасно думать, что дела ненависти и злобы остаются без возмездия. Страшные последствия навлекают на себя злотворцы. И каждое зло, как щербина разжавленная, выедается в судьбе сотворившего. Выедается тем более, что так называемое раскаяние приходит очень редко. Наоборот, черствое отупение будет пытаться самооправдать злодеяние.

Говорят, что в одном государстве древнем были созданы мудрецы-философы для особых наблюдений путей справедливости. Может быть это только легенда для подчеркивания значения этих путей и непреложности справедливости, а может быть это было и в самом деле. Ведь среди древних культур мы встречаем акты необычайно высокого мышления. Среди предмета "Живой Этики" слово о путях справедливости должно быть очень веским. Оно научит молодежь от школьных лет оценивать всю непрактичность злых дел.

1935

Публикуется впервые

СЧАСТЬЕ

Радиостанция в Дели просила дать беседу о счастье. Что есть счастье? Счастье – это радость, а радость – в красоте. Она есть очаг всех творческих сил человека. Не в золоте счастье. Многие примеры, как глубоко несчастны бывают богачи. Не в золоте красота жизни. В золоте – роскошь. Но ведь роскошь – обычно антипод красоты.

Так же, как благодать, счастье – пугливая птичка. Легко отогнать волну счастья. Легко не почуять, откуда повеяло благодатное дуновение. В рутине каждодневного труда нелегко распознать крыло счастья. Осудить ли тех, кому вообще о счастье не приходилось слышать? Всем утесненным, всем огорченным в желчи и неприязни даже само слово о счастье покажется насмешкой.

Скажут "счастье" катается в блестящих моторах. "Счастье" упивается и нажирается в раззолоченных палатах. "Счастье" имеет власть притеснять, умалять, неправедничать и ломаться над слабым. "Счастье", как мрачный призрак, нависает и поганит каждый вздох и улыбку о прекрасном. Сказали ли в школах об этом размалеванном вампире, который в обиходе называется "счастьем" мещанским?

О жертвенности не сказали. Зато показали и воспели всю ложную позолоту прозябания. Да, показали и ухмылялись, называя наслаждение достижением. Много подделок, но особенно страшна подделка счастья. Как осуждать тянущихся к наслаждению, когда им не говорили о жертвенности и о красоте подвига? А подвиги старых времен поставлены были под усмешку.

Больно видеть, как невежество топчет лучшие цветы. Мало утешения в том, что вандализм происходит по незнанию. Миллионы лет человеческой жизни дали множество достижений. Почему не отринуть их? Целесообразность учит бережности. Соизмеримость напоминает о гармонии, ритме. Они – путь к счастью.

Не опасайтесь говорить о красоте. Необходима поливка Сада Прекрасного. Засуха погубит все живое. Но если даже пустыни могут ожить под заботливою рукою, то и обиход может зацвести редчайшими цветами. Семья, вдохновенная искусством, будет прочным оплотом государства. Целые страны живы хотя бы воспоминанием о своих творческих продвижениях. Даже далекое достижение не ржавеет и спасает народ от разложения. Никто не дерзнет сказать, что о красоте творчества уже достаточно сказано и сделано. Совершенствование, познание, любованье – беспредельны. Велик магнит счастья.

Хороша радость о прекрасных произведениях. Подъемы счастья возникают и преображают все окружающее. Первая ступень будет собирательство: "мои вещи", "моя радость". Но затем

образуется и следующая ступень, когда условие самости уже отойдет. Почему вещь "моя"? Надолго ли? Пусть она несет радость всем. При таком мышлении зародится и третья ступень, возникнет расширение сознания. Вот где истинная, нестесненная радость: "Взлеты счастья!"

"Когда говорим о сердце, говорим о прекрасном". "Сердце несет в себе красоту бытия. Сердце как творческий магнит несет в себе огненные энергии. Можно ли без этих максимумов касаться области радости и счастья? Чувствознанием утверждается радость. Не возрадуется человек безобразию, если пылает его сердце. Вдохновительно, что говоря о счастье, должно утверждать и радость и сердце – талисманы против отчаяния, скуки, падения, разложения. "Пусть сознание влечется в самый Прекрасный Сад".

"Час утверждения красоты в жизни пришел. Пришел в восстании народов. Пришел в грозе и молнии".

Счастье – в гармонии, в равновесии. Но это равновесие зиждется на ритме. И солнце работает взрывами. Так же и эволюция полна взрывных революций. Сложны ритмы мироздания. Трудно расширенному сознанию, когда оно окупается в беспредельность.

Недаром малые по своему размеру сознания чувствуют себя по-своему более счастливыми. Но счастье беспредельно, и оно знает неизбежность творческих полетов. Да совершится скорей!

Не легок путь к счастью, к равновесию энергий. И хорошо, что эти твердыни преодолеваются в трудах. Велико мгновенное озарение, но нужно уметь охранить этот огненный цветок, чтобы он преобразил всю жизнь. Пусть светит всему кругозору. Не страшны тогда ужасы и призраки. В счастье искореняется страх. Учат ли о том, как надо искоренять страх? Мужество есть щит счастья. Но такой щит должен быть выкован в огне подвига. В любом обиходе, в каждом труде может коваться доспех подвига. Мудро произнесено "герои труда". Битва за лучшее будущее не только на полях сражений. Неутомимость, терпение, достижение лучшего качества испытывается в жизни каждого дня. Подвиг человечности нарастает в трудах.

Счастье – в сознательном труде. Песнь труда есть великое созвучие всех "взыскующих".

Многи препоны в потоках жизни. Многи опасные камни и стремнины. У счастья много врагов. Всякие злобы, уныния, зависти, клеветы, сомнения, мало ли что выползает и грызет корни счастья. Среди мрачных врагов будет и чрезмерная механизация нашего века. Механизация может глушить народное творчество. Механизация может разрушать культуру. Даже цивилизация может страдать от непомерной механизации.

Вот усиленно развивают передачу энергии без проводов. На первый взгляд польза несомненна и для телевидения, и для радио, и во многих новейших изобретениях. Но кто же знает, насколько можно нагнетать пространство насильно уловленными энергиями? Уже знаем, как переполняется пространство противными радиопередачами. Сбиваются токи и глохнут в непомерном напряжении. Доколе?

Конечно, беспроводная передача энергии помогает осознать позабытые силы человека. Энергия мысли до сих пор лишь частично признается, а для невежд остается в пределах какого-то колдовства. Беспорядочное, хаотическое мышление тоже будет в рядах врагов счастья. Учат ли в школах о значении мысли? Или же эта великая наука остается в числе запрещенных познаний? Доколе?

Натолкавшись и наблуждавшись, опять придут к красоте. Старая поговорка "Красота спасет мир" опять живет. Можно ли в дни Армагеддона говорить о красоте? Можно и должно. В красоте – не сантимент, но реальность, мощная, поднимающая, ведущая. В глубинах сознания нечто уже было известно, но нужна была искра, чтобы заработала машина. Блеснет искра, осяет блеском прекрасным, и умаявшийся труженик опять восстанет, полный сил и желаний. Захочет и совершит. А препоны и трудности окажутся возможностями.

Но не блеснет красота подслеповатому глазу. Нужно захотеть увидеть красивое. Без красоты, но в величии самой красоты. Счастье в том, что красота неиссякаема. Во всяком обиходе красота может блеснуть и претворить любую жизнь. Нет запретов для нее. Нет затворов пресекающих. На крыльях красоты обновляются силы, и взор владеет

пространством.

Счастье - в радости. Радость - в красоте.

1941

ОТКРЫТЫЕ ВРАТА

Если ты медлишь идти, значит ты
еще не знаешь, что есть начало и
радость, первоначало и вечность.

Н.К.Рерих

Живите часом счастья будущего.

Листы сада Мории

ТВОРЯЩАЯ МЫСЛЬ

Обращение к студентам Ховарда Джайльса

Когда я вхожу в мастерскую во время работы и вижу, как мой друг Джайльс вдохновляет учеников, я всегда радуюсь в сердце своем. Знаю, что ученики получают настоящий совет. Они слышат об основных законах, которые в глубине всего Бытия. Я чувствую присутствие мысли творящей. А там, где явлена мысль творящая, там нет страха за будущее. Говоря о мыслях творящих, я не имею в виду тенденцию, описательную историю, сухой сюжет. Я представляю себе великолепный творческий синтез. Эволюция наша неизбежно приближается к благословенному синтезу. Имею в виду неограниченную творческую мысль, которая в прекрасных формах и красках творит крылья человечества. Эта творящая мысль, украшенная всеми основами, всеми красотами созидательных законов, ведет человечество в высь, готовится к принятию эволюции, и от меньшего сердца до сердца государства и части Света устанавливает великое понятие Прекрасного, которое в существе своем свойственно всем векам и народам.

Из этого чувства Прекрасного рождается и благородство духа, постоянное творчество, героизм и подвиг. Из того же источника истекает и оптимизм, так необходимый, ибо каждое отрицание не творяще.

Все человечество разделено на "да" и "нет". Мы же пребудем всегда с теми, в природе которых звенит открытое светлое "да". Берегитесь утверждать "Я" и "нет".

Поистине, каждый свидетельствует о себе. В тайных мыслях он оформляет будущее действие. Лжец боится быть обманутым. Предатель в сердце своем особенно страшится измены. Невер в сердце своем трепещет от сомнения. Героическое сердце не знает страха. Да, мысль управляет миром. Прекрасно сознавать, что прежде всего мы ответственны за наши мысли.

Часто мы твердим слово "мысль". Мы лепечем его во время обедов и ужинов. Мы не скупимся на него в припадке подозрения и злобы. Мы механически бормочем это слово даже тогда, когда мы не имеем в себе определенной мысли. Если бы мы могли осознать, что повторяя это священное слово, мы произносим формулу величайшей мощи! Но редко мы признаем динамическую силу мысли; так же редко мы можем обуздывать ее и направлять по правильным руслам. Малые и отвратительные мысли часто летают в нашей ауре, как ядовитые насекомые. Если бы мы могли снять фотографии наших аур (и такие снимки были уже сделаны), – мы Могли бы заметить, что излучения наши наполнены черными и серыми пятнами. Ведь эти пятна не что иное, как пятна невежества и возвращенной им тьмы.

Если бы только мы могли сознавать непобедимую мощь устремленной, благостной мысли!

Если бы могли начать исследовать условия, которые могут укреплять в нас подобные мысли, мы могли бы тогда постепенно стеречь эти физические отложения тьмы. На одной фотографии два неожиданных луча света блеснули из плеч. Было проверено, что именно особенное случилось в этом момент. И было найдено, что именно в это время зародилась прекрасная, бескорыстная мысль. Мысль была бескорыстна и творяща, и она немедленно отразилась в виде прекрасных лучей Света. Кто знает, может быть, скоро мы будем иметь снимки соискателей на выборах на государственные должности и будем, вместо измышленных письменных свидетельств, иметь истинный неоспоримый сертификат. Тогда мы будем иметь перед собою лишь факты и, познавая, что существует лишь Единый Свет, мы научимся и следовать за этим Светом.

Жизнь не в состоянии будет разочаровать нас, ибо мы увидим, что восход един и едино позорное низвержение. Все подвижно. Обратите внимание на условие восхождения; по основному закону каждое восхождение соединяется с творческим состоянием ума. История показывает, что ни один человек, имевший творческий ум, не был забыт.

Я не говорю о каком-либо ограниченном проявлении мысли, как на полотне или в камне, или в других материалах, но я имею в виду все Прекрасное, это значит выражение Прекрасного во всей жизни. Иногда это выражение закреплено на холсте или на другом материале, но очень часто оно выявлено в мысли. Этими благородными мыслями мы украшаем пространство и соединяем дальние миры, ибо для мысли нет ни пространства, ни времени. Указывается, что человек, насыщенный мыслью, даже разнится в весе. Может быть доказано, что в момент сильнейшей, творящей мысли человек становится легче. Святая Тереза и Святой Иоанн Креста, и Святой Франциск возносились на воздух. Это не есть необъяснимое чудо. Может быть, и из вас кто-нибудь видел опыты, когда, благодаря силе мысли, отмечалась потеря веса и даже левитация. Таков физический, творящий закон. Так мы видим, что приближаясь к этим созидательным законам, мы ближе подходим и к основным законам Вечности. Понятно, если вас наполнила высшая форма мысли, то вы вступаете в сотрудничество с Высшим Сознанием. Разве не чудесно иметь в вашем сознании прекрасную мысль, что вы сотрудничаете с Прекрасным, с Высшим? В этом сознании ваша мощь, ибо в час непосредственного приближения к Высшему вы создаете что-то достойное эволюции, для будущих жизней. Вечен Зов устремляться к этому достижению. В этом Зове выражен закон Прекрасного!

Никто не может принуждать вас к одному определенному выражению в искусстве. Вы не можете творить без вашего внутреннего осознания формы синтеза. Ведь все имеет назначение и достижение. Но помните только одно, что это назначение должно быть прекрасно.

Часто мы слышим жалобы на неразрешимые проблемы жизни, – семейные, домашние, общественные и государственные. Если вы наполните вашу жизнь и жизнь ваших ближайших драгоценным чувством прекрасного так, что все безобразное должно будет скрыться, этим вы создадите постоянную жизнь в энтузиазме Прекрасного. Это суждено всем, не только каким-то избранным; мы можем сказать, что даже тюрьмы должны быть прекрасны, тогда мы не будем иметь более тюрем! Конечно, мы предполагаем не только физические тюрьмы, но и темницы духа. В этих мыслях мы можем мечтать о совместной созидательной жизни.

Когда говорят о прикладном искусстве, часто употребляется отвратительное слово "коммерческое искусство". Это отвратительное выражение должно быть изъято. Что же в сущности искусство, как не выражение Прекрасного? Вы можете иметь нечто прекрасное или безобразное. Если вы имеете перед собою предмет обихода, сделанный Бенвенуто Челлини, ведь это будет творение великого искусства. Во всех проявлениях искусства мы должны руководиться только одним основанием – Прекрасным! И мы должны помнить, как применять искусство в нашей каждодневной жизни. Даже полы могут быть вымыты прекрасно. Ибо нет ничтожного искусства в том, что истинно. Постоянно повторяя, как заклинание, – прекрасное, прекрасное, прекрасное, вы становитесь уже творящим в существе

своим. Безобразные отрицания есть символ невежества, и подобное невежество также должно быть изъято. Не убоимся постоянно иметь перед собою эту великую мысль.

Новичок постоянно смущается, как ему творить? Он предполагает сначала: я изучу только законы, потом познаю краски, а там когда-то в будущем начну творить. Но ведь каждый должен творить изначально. В раннем детстве дети должны быть научены именно творчеству. Изучающий искусство должен знать вечный закон созидательный для вечной мысли. Пусть законы наполнят ум, а не только изодрят руки. Итак, предлагая, чтобы вы изучали основные законы, мы только желаем помочь вам, ибо верим, что вы прирожденные художники и уже понимаете значение творческой мысли.

Так часто мы не умеем обращать внимание на подробности нашей жизни. Поставьте перед собою простейший предмет, внимательно рассмотрите его, а затем закройте глаза и постарайтесь представить себе его. Скажите искренно, насколько ярко и ясно останется в вас этот отпечаток? Обычно люди не помнят ни определенного цвета, ни точной линии. Таким образом нужно повторять этот простой эксперимент каждый день. Если вы имеете несколько минут, поставьте перед собою что-нибудь, простое, но цветное, и попробуйте перенести этот отпечаток в ваш так называемый третий глаз. В этом нет ничего сверхъестественного и, сосредоточивая внимание, вы постепенно заметите, как отпечаток становится ярким и точным.

Каждый слышал о графе Сен-Жермене, который предупреждал Францию перед революцией. Читали ли его биографию? Указывается как исторический факт, что он мог вести три разговора и писать обеими руками одновременно два разных письма. Но ведь даже в этом нет ничего сверхъестественного. Это лишь доказывает, что его сознание было необычайно развито и утончено. Каждый пианист действует обеими руками различно и в то же время он может вести разговор. Так, приучаясь устремлять сознание на определенные предметы, вы можете производить так называемое "чудо". Но кто-нибудь скажет вам, что это невозможно. Тогда скажите ему о чуде пианиста, а может быть, улавливающего и второй разговор во время игры. Поистине, многие проявления, возведенные как феномены, как нечто сверхъестественное, в сущности очень просты и жизненны, и они могут и должны быть выявляемы. Когда мы научимся направлять наше сознание, в то же время и ум наш сумеет сосредоточиться на определенном. Человечество спешно готовится для эволюции, и ближайшей обязанностью его является мыслить об этой грядущей эволюции, мыслить о будущих поколениях. Вы ответственны за будущее поколение, и неизбежна для вас ответственность эта. Мы можем получить великое счастье посредством прекрасной мысли.

Когда в следующий раз мы встретимся, пусть каждый из нас расскажет мне что-либо необычное из своей жизни. Пусть каждый обдумает свою жизнь, и я уверен, что если он обернется на жизнь свою честно и искренно, то каждый из нас найдет нечто необычное. Недавно, обращаясь к группе театральной молодежи, я тоже спросил их о необычном в их жизни. Прежде всего они ответили, что с ними ничего необычного не случилось, ибо жизнь их протекает в печальной обычности. Они сказали мне, что, конечно, у меня во время горных путешествий, наверно, были прекрасные необычности, но что же необычного могло случиться с ними в суматохе города? Но я настаивал, давая им время подумать и убеждая, что каждый человек вспомнит что-то и прекрасное и необычное. Затем, после момента стыдливого молчания, одна из присутствующих сказала, что в минуту смерти ее тетки они слышали странный колокольчик и некоторые из присутствующих видели словно облачко, прошедшее над их головами. Лед был сломан, не прошло получаса, как и все остальные припомнили самые замечательные случаи, все вдохновились и повеселели, а через три недели каждый участник этой группы стремился рассказать мне интереснейшие и замечательные факты их жизни. Значит, нам нужно только заглянуть внутрь себя честно и непосредственно, чтобы заметить множество прекраснейших наблюдений. Каждый стремится быть честным, но редко факты сообщаются без личной окраски, это случается даже и с учеными, которые, казалось бы, должны уметь обращаться с фактом как с таковым.

Мало кто умеет усматривать факт вне предрассудков и без суеверий. Если кто-либо начинает видеть чудесные цвета, звезды и искры, ему говорят, что он должен начать носить очки и, таким образом, механическое стекло должно прекратить свет незримый. Но мы должны, наконец, научиться оценивать явление непосредственно!

Часто люди жалуются на своих родственников, губящих их жизнь. Но если сознание их будет расти, они поймут, что их родственники и друзья все же существа человеческие, и они попытаются открыть их сердца. Иногда это очень легко, но часто это трудно. Если же ключ ваш не действует, будьте уверены, что он еще недостаточно прекрасен. Ведь каждый человек имеет сердце. И каждое сердце есть все же сердце. Итак, если вы не в состоянии открыть это затвердевшее сердце, то верно наш ключ не годится для этого ларца. И, конечно, мы должны найти для него нужную формулу. Часто слышим, что в некоторых домах искусство вообще не может быть введено. Слышим от обитателей этих темных домов, что все прекрасное не нужно. В этих случаях как вы можете показать им, что именно прекрасное имеет огромную ценность?

Во время восстаний и революций, когда собственность и деньги были уничтожены, именно предметы искусства оставались единственными ценами, и даже целая страна могла временно существовать благодаря сокровищам искусства. Помните это, и в нужный час скажите вашим окаменелым друзьям, что единственная ценность, возрастающая даже во время войны и революции, в конце концов, будет предметом искусства. Попросите вашего друга назвать вам точно цену акций, он затруднится это сделать, и недавние потрясения, как нельзя более, подтвердили это. Все видели стремительное низвержение бумажных ценностей. Пусть каждый получает доказательство по мозгам своим. Даже окаменелые друзья вспомнят, как на их же глазах предмет, считавшийся ничтожным, вдруг получал огромную цену и, наоборот, непоколебимые ценности, с точки зрения обыденности, оказались грудой бумажного сора. За время революций мы не однажды видели, как банкиры и финансовые деятели оказывались сметенными, тогда как выживали именно художники и собиратели искусства. Сама жизнь показывает, что все связанное с творчеством выживает; живут научные открытия и неистребимо живет мысль. Итак, научимся направлять все наши мысли к Прекрасному.

Надеюсь через год увидеть вас опять, уже далеко подвинувшимися на творческой лестнице. Надеюсь почувствовать на работах ваших отображение осознания Прекрасного. Останусь уверенным, что вы неустанно будете расти и творить.

Во всех сказках мы слышим о закрытых вратах, о скрытых Сокровищах, которые могут быть открыты лишь чудесным, сужденным ключом. В нас самих гнев и раздражение собирают и отлагают вреднейший яд, и, чтобы очистить сердце свое, мы должны признать и гнев и раздражение разрушительными и непрактичными. Так же образуется и рак и многие другие бичи человечества, неся за собою непоправимое разложение. Но знаем, что подобные бедствия излечиваются психической энергией. Для этого прежде всего научитесь изгнать все ядовитые мысли, научитесь осветлить и устремить вверх сознание ваше, тогда вы научитесь творить для будущего человечества и, проснувшись, в радости увидите в руках ваших чудесный ключ от Врат Сокровенных.

1930

ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ

О будущем иногда думают, но очень часто оно не входит в бытовые обсуждения. Конечно, не в человеческих силах вполне определить будущее, но стремиться к нему следует всем своим сознанием. И не к туманному будущему нужно устремляться, но именно к лучшему будущему. В этом стремлении уже будет залог удачи.

В торжественный день возносится моление о будущем. Не о туманном чем-то утверждает

оно. В нем выражены три основы: осознание высочайшего, мирное земное строение и благоволение как основа быта. Без этих трех основ строение невозможно; но предпослать их нужно не отвлеченно, а в их полной и неотложной реальности. Казалось бы, что третья, преподанная основа должна быть самой обычной в повседневном быте. Только благоволение! Только доброжелательство и дружелюбие! К кому же? Да к таким же людям. К тем же самым, с которыми положен урок пройти это жизненное поле.

Кажется, никаких глубоких изучений и образований не нужно для благоволения. Казалось бы, оно уже предполагается при каждой человеческой встрече. Разве можно приближаться к такому же человеческому существу без основного благоволения? Что же, неужели приближаться с ненавистью или подозрением, с уже замышленным злодейством? Где же, в каких же таких Заветах, писанных или неписанных, предуказано злодейство и подозрение?

"Человек человеку – волк". Ведь это одно из самых зловредных изречений. А ведь самовнушением достигается так многое. Если от колыбели слышать о добре, то ведь оно и останется руководящим началом. Даже все смущения извращенной жизни не искоренят понятия добра. А там, где человек привык жить в добре, он оценит и все замечательное значение слова БЛАГОВОЛЕНИЕ. Ведь это слово очень повелительно. Воление, оформленная воля... это уже нечто созданное, сделанное!

Воление не может быть только инстинктивным. Оно производится в полном сознании, за полную ответственность. Может быть, каждое государственное совещание должно быть начинаемо знаменательным вопросом: "Если ли благоволение?" И промолчавший не должен бы судить. Вероятно, скажут, что именно самые-то злодеи и закричат о благоволении. Вот тут-то запечатление человеческих излучений и доказало бы истину.

Притворно никак не докажете благо в излучениях сердечных. Как пятнисты будут излучения притворные, неискренние! Человек, не задумывавшийся над глубоким значением благоволения, часто вообще не поймет, о чем тут говорить! Почему подчеркивать слова и без того всем известные, которые к тому же никогда ничего не улучшили. Ведь возможны и такие уродливые суждения.

Нередко продавец выкликает нечто очень полезное, совершенно не думая о значении произнесенных им слов. Часто ли переписчик знает содержание переписанного? Иногда даже читающий вслух для другого тем самым как бы освобождает себя от понимания прочитанного. Таким образом, часто ценнейшие и неотложные соображения попадают в разряд так называемых "птичьих слов".

Возможно ли лучшее будущее без благоволения, без благоволения во всем его торжественно-повелительном значении? Какой же это будет мир на Земле без благоволения?! И какая это будет "слава в вышних" без углубленного и непрестанного воления блага?

Лучшее будущее. Ты должно быть лучшим. Ты должно быть лучше дня вчерашнего. Если не захотеть этого, то ведь из самого замечательного, уже сужденного, можно извлечь лишь ничтожный огарок. Все великие знаки могут быть в готовности. Но если не желать блага ради им следовать, то какая же их часть видимого осуществится? Кто же имеет право испортить или умалить сложенное великими путями? Ведь это не мечтательство пустое, но ответственность несущего письмо.

Даже простой почтарь в сумерках и во тьме идет с осторожностью, чтобы не оступиться, чтобы ветка не хлестнула по глазам, чтобы избежать диких зверей. А ведь он несет чье-то чужое письмо, о котором он ничего не знает. Когда же человек мыслит о будущем, когда он учитывает все его условия и все благожелания, насколько устремленнее и бережнее пойдет он, готовый и настороженный. Пойдет он, зрячий и проникновенный. Поспешит он, чтобы не украсть часа сужденного, а в сердце его будет стучать и слава в Вышних, и мир на Земле, и благоволение к ближнему.

Благоволению нужно учиться. Мир нужно установить. Славою в Вышних нужно восхититься всем трепетом сердца. Лучшее будущее!

* * *

Примерыковки лучшего будущего можно почерпнуть из разных областей. Один из них уже от ранних школьных лет остался в памяти.

Нам всем чрезвычайно врезался рассказ о Шлимане – знаменитом исследователе Трои. Все мы восхищались, как он, от ранних лет, поставил себе задачу будущих исследований, начал готовиться к ним во всех областях. Как он упорно обогащал себя знаниями, а в то же время так же настойчиво складывал свое богатство. Ведь он зрело обдумал все средства, которые ему понадобятся.

После многолетнего, сознательного труда он внес в науку свой ценный вклад и остался прародителем многих шедших за ним, блестящих исследователей. Можно себе представить, как в свое время коммерсанты пожимали плечами на ученые задания Шлимана. Также можно видеть, как ученые, вероятно, не однажды рядили его в любителя и усмехались над его затеями. Но он своеобразно и неотступно складывал свое научное будущее.

То, что для другого бы уже было достижением, для конечной, угловой пристани, для Шлимана было лишь средством, имеющим прикладную относительную ценность. В таких многолетних сознательных трудах есть большая доля самоотвержения.

Опять-таки вспомним прекрасное слово благоволение. Поистине, сознательные ковачи лучшего будущего; они полны настоящего благоволения.

1935

ВПЕРЕД

Вчера пекинские научные организации чествовали Свен Гедина в его семидесятилетие. Такое признание со стороны Китая и других участвовавших стран – прекрасно. Именно, этими путями взаимопонимания и признания куется широко сотрудничество целых стран. Во всей жизни Свен Гедина, во всей его устремленности и неутомимости звучит зовущее чудесное слово: "Вперед".

Возьмем Свен Гедина как понятие собирательное. Великому исследователю исполнилось семьдесят лет. Недавно сообщалось, что он приглашен на большое воздушное обследование Бразилии. Конечно, Гедин не отрицает и эту возможность. Сейчас он едет в свой родной Стокгольм. Но никто не думает, что он едет для того, чтобы, как принято говорить, успокоиться. И эта поездка для него будет лишь очередным этапом.

Не от того ли чудесного заклинания "вперед" исследователь выглядит так бодро?! Не этим ли приказом он преодолевает трудности и опасности? Никто не будет отрицать, что Свен Гедин сейчас является необыкновенно зовущим примером для молодежи. Посмотрите, сколько серьезнейших и увлекательнейших книг им написано. Какие незабываемые открытия им даны человечеству. Величественные Транс-Гималаи навсегда будут связаны с именем Свен Гедина.

Подобно подлинному викингу, он непрестанно устремлялся к славным мирным завоеваниям. Именно, в таких явных, богатейших результатах звучит благословенный приказ "вперед"!

Каждый, кто проследит от самого начала исследования Свен Гедина, справедливо будет поражен непобедимостью этого неповторенного духа. Когда обывательский ум может заподозрить какое-то окончание, тогда быль викинга оповещает лишь начало следующей блестящей главы.

В этом неустанном восходящем пути даже не хотелось бы произносить какие-то подробности, упоминать отдельные многочисленные открытия, перечислять опасности и преборенные трудности. Все это необычайное научное завоевание дарится человечеству от щедрости неутомимой. В каждом путешествии Свен Гедина закладывается та или другая большая идея.

Без усталости великий ум указывает на новые возможности, на новые пути, на возможный расцвет будущих. Великий ученый не может не быть и великим гуманистом. Чем шире ум – тем целостнее протекает перед ним река жизни. Можно радоваться, что прекрасное исследование Свен Гедина оценено. Но также должно радоваться самому тому факту, что такая огромная сила работает теперь, в наше время. Когда столько смущений и сомнений отменяет человечество, тогда светлый викинг неумолимо указывает на увлекательные, чудесные дали и говорит о путях сказочно широких.

Настоящее творчество всегда полно оптимизма. Творец не может быть в унынии. Строитель полон знания в избрании лучших материалов. Живое сердце понимает, как нужно сейчас дать людям возможность строения. Великая гуманная задача в этой вдохновительной помощи. Тот, кто может своими неисчислимыми трудами вдохновлять молодые сердца, тот, конечно, и сам может творить бодро. В нем не будет признаков усталости. В нем не будет ни сомнений, ни отчаяния. Он скажет во все времена упоительное, светлое слово "вперед".

Этот ключ не может быть сказан тем, кто не засвидетельствовал его своими трудами. Этот приказ будет неубедителен в выражение робости и колебания. Потому-то так драгоценны все те явления, которые в убедительной действительности могут развернуть знамя светлого приказа "вперед". Этому знамени люди могут приносить лучшие цветы. Этому призыву пошлют лучшую улыбку. Даже в серых буднях люди и возрадуются, и возревнуют о каких-то новых полезных трудах. Если исследователь, завершив седьмой десяток лет пути, и бодр, и радостен, и светло звучит на будущее, значит, светлое "вперед" было его руководящим знаком.

Саги и сказки говорят нам о героях, о чудесных строителях, о творцах добра и славы. Саги знают и лебедей белокрылых, и быстрых кречетов, и отважных орлов. Ученые разъясняют, что миф есть отображение действительности. Мифы говорят об истинных жизненных героях, свершавших свои подвиги здесь, на земле.

Если мы можем убеждаться, что подвиг не есть нечто отвлеченное, но прекрасные деяния земные, то каждое напоминание о прекрасном пути земных достижений нас должно сердечно радовать, вдохновлять и вливать новые силы. Справедливо быть признательным всем тем, кто в земных путях светло сказал великое "вперед". Кто не убоился, не умалился, но, всегда обновляясь, как мифический Антей, усиливался от новых прикосновений к земле!

Будем же радоваться, когда видим здесь, среди нас, живой пример труда светлого, непоколебимого.

Устремление живо священным зовом ВПЕРЕД.

1935

ОТКРЫТЫЕ ВРАТА

"Прошлое – ничто перед будущим". Не раз приходилось так усовещивать тех, кто сомневался в будущем и горевал лишь о прошлом.

"Из древних, чудесных камней сложите ступени грядущего". И так много раз писалось для тех, которые не хотели оценить сокровища, накопленных в прошлом.

Странны такие противоположения. Кто обернут лишь к прошлому, а кто только смотрит на будущее. Почему же не мыслится синтез, связывающий одну вечную нить знания? Ведь и прошлое, и будущее не только не исключают друг друга, но, наоборот, лишь взаимоукрепляют. Как не оценить и не восхититься достижениями давних культур! Чудесные камни сохранили вдохновенный иероглиф, всегда применимый, как всегда приложима Истина.

Естественно, невозможно жить лишь в дедовском кабинете. Сам мудрый дед пошлет внуков "на людей посмотреть и себя показать". В записи о дедовском кабинете так и сказано. Уже не говоря о многих колючих и взыскательных дедах, но даже и хорошие из них не всегда

ответят будущему мужественно и открыто.

Тем не менее в дедовском кабинете накопилось то, что не найти во вновь отстроенном доме. У деда сохранились и многие рукописи, которым не пришлось быть широко напечатанными. Было бы легкомысленно вдруг отказаться от всех прекрасных накоплений.

Когда-то каждое будущее станет прошлым. Пусть шлифовка алмазов будет другая, но достоинство камня сохранится. Так говорим в полном устремлении к будущему. Конечно, будущее в своей беспредельности окрыляет и вдохновляет. И вообще, разве можно не любить будущее? Разве прошлое не является чудесными вратами к тому же будущему достижению?

Перл Бэк в своей последней статье о творческом духе Китая приводит следующий эпизод: "Мой друг, который является сыном старой Конфуцианской семьи и однажды сам был последователем Конфуция, но теперь горделиво объявляет себя ничем, выразился оскорбительно: именно Конфуцианизм убил в нас творчество. Конфуций учил нас смотреть лишь назад, на мертвых, как на пример для нас. Ничто не оригинально! Все, несотворенное по старым меркам, было неправильно. Этот обычай равнять по другим внедрился в наше мозговое вещество целыми столетиями, и потребуется другое столетие, прежде чем мы сможем сделаться самими собою". Но молодой социалист сказал: "Нет, это империалистические императоры, которые повредили нам. Они видели путь удержать народ от мышления и заставили умы основываться на старых классиках как единственных средствах для продвижения, так что лучшие мозги в стране были заняты изучением мертвой литературы, вместо того чтобы думать и творить в той современности, в которой они жили". А юный экономист сказал: "В конце концов, это просто вопрос экономии. Искусство и творческий дух могут процветать лишь во времена мира и благосостояния. Теперь уже годами мы не имеем ни мира, ни изобилия, как же мы можем мыслить, чувствовать и творить?".

Все три мнения подобраны чрезвычайно характерно. И нам не раз приходилось слышать умаления древних философов именно с упоминанием Конфуция. Но в конце концов, который же из заветов Конфуция запрещал мыслить о совершенствовании, о будущем? Если кто-то изуверски извращал смысл его указаний, то об этом можно лишь сожалеть, но не умалять великого мыслителя Конфуция.

Еще недавно так же точно нападал на Конфуция известный профессор, и невозможно было понять, чем ему самому помешал древний мудрец, ибо профессор не был ни игнорамусом, ни отрицателем по природе. Наоборот, он был знатоком и ценителем отечественной и мировой литературы. Очевидно, всюду в преходящих волнах жизни и пророки, и мудрые должны быть временно похуляемы, для будущих обновленных утверждений.

Но должна же, наконец, наступить та творческая эпоха, когда знание будет лишь отворающим, но не отвращающим. Нет новшества в осуждении. Оковы осуждения принадлежат тюрьмам, как и всякие оковы. Время ценно. Энергия благословенна. Опыт почитаем. Не на осуждение тратить все эти ценности! Безумна такая растрата, когда силы так безмерно нужны для устройства и создания.

Входя под древние своды, не собираемся остаться жить под ними, но всегда помним поучительные начертания, усмотренные на старинных камнях. Знание старины убережет и от излишнего самохвальства. А вдруг окажется, что когда-то что-то лучше делали, или знали нечто, нами утраченное. И в катакомбах, и в пещерах не замирала, но кипела такая творческая мысль, мощи которой можно лишь поучиться. Самоотвержение, познание труда, подвиг, неустанное творение вызовет не осуждение, но благою внимательность и проникновенность.

Люди различаются на осуждающих и на творящих. Но там, где заложено творчество, даже тюремные стены не подавят его. Сколько замечательных находжений и трудов сотворено именно в тюрьмах. По счастью, дух человеческий не знает тюремных затворов. В полной готовности к творчеству, во имя славного грядущего не будем умалять прошлого со всею его поучительностью. Чаще всего подобные умаления – не что иное, как прием ораторства. Но, пройдя границы минутного увлечения, люди понимают, насколько неблагоприятно

пренебрежение, и начинают чувствовать ценность культуры во всем ее широком понимании.

Достаточно знаем, сколько научных данных сохранено пирамидами. Также знаем и современные государственные доходы от пирамид. А ведь сколько злословий было послано их строителям. Знаем расходы по построению Версальского дворца. Также знаем, что они равняются затратам по постройке одного броненосца, который через десятилетие признается устаревшим, негодным и уничтожается – на слом. Знаем и то, насколько Версаль является национальной гордостью Франции и дает поучительный, образовательный отдых народным массам. Знаем и Тадж-Махал, и храмы Нары, и святилища майя, и дворцы Италии. В современных министерствах туризма все эти, не раз кем-то осужденные здания занимают первые места.

Можно приводить множество примеров тому, как именно доброжелательно воспринятое знание является истинными открытыми воротами. Но всякая преднамеренность и умышленное ограничение приведет лишь к постыдным умалениям, которые прежде всего не будут полезны странам в их истинном развитии. Может быть, соображение экономиста было бы ближе к делу, но и в этом случае можно привести примеры, когда лучшее творчество проявлялось в величайшей нужде и утеснении. Во всяком случае, Конфуций, сам в свое время преследуемый и мало понятый, не может быть примером запрещающего ретроградства. Наоборот, в его четких и жизненных мыслях можно видеть прямой путь от прошлого к будущему. А любовь и преданность будущему должна быть врожденной. Никто и ничто не может лишить человека в устремлении к светлому будущему, к открытым воротам Света.

1935

ПРОМЕДЛЕНИЕ

"Промедление смерти подобно".

Так сказал Петр Великий. Что же в этом нового? Почему это изречение так часто поминается? Разве этого никто не знал раньше? Нового ничего нет в этом речении. Тем не менее оно и поминается и будет поминаться. Оно должно быть написано надо всеми государственными и общественными учреждениями. Оно должно быть на первой странице школьных учебников.

"Дело не в том, что сказано нечто абсолютно новое. Вообще не есть ли новое лишь во времени и по обстоятельствам? Но в том дело, что сказано это, и в такой повелительной форме, что должно быть во всех делах человеческих. Это не есть повторение, ибо форма сказанного, вероятно, вполне оригинальна в своей краткости и убедительности. Просто сказано то, что нужно, что нужно всем, нужно для каждого дня. Сказано то, что люди пытаются позабыть насколько возможно. Пытаются противопоставить другое циничное речение: "Не делай сегодня того, что можешь сделать завтра".

В цинизме и лени люди стараются сложить и поговорки, и побасенки, лишь бы чем-то отложить труд. Значит, для них всякий труд есть и тягость, горе, значит, для них труд есть проклятие. А разве не ужас, когда сужденная радость обращается в проклятие, в ужас, в горе?

Промедление бесконечно однообразно в своих свойствах. Как умело оно бывает прикрыто, так прикрыто, что даже опытный глаз не всегда рассмотрит, где оно уже приключилось. Причин к этому можно находить до бесконечности. А ведь всякий знает, что человек в безумии своем бывает находчив и изобретателен до невообразимости.

Бывает промедление по незнанию, по тяжеловесности характера. Бывает от доверчивости к другим, также бывает от намерений злобности. Словом, можно почти все происходящие действия квалифицировать по той или иной степени медлительности. Если бы только эта медлительность навредила в конечном результате. Но всякое несовершенство, так же как и всякое зло, неминуемо должно отозваться где-то и как-то. В каждой истории государств

можно находить поразительные примеры, как маленькая медлительность порождала великие следствия. Значит, это промедление не было таким малым, как оно могло казаться земному глазу: значит, в нем уже был заключен весь эмбрион последующего. Если бы рассмотреть такие промедления под микроскопом, то можно бы увидеть уже готовый огород всяких бактерий.

Если бы все промедлившие уже осознали сотворенное ими грядущее, то, наверное, многие из них ужаснулись и удесятерили бы поспешность и прилежание. Но о будущем вообще думают так мало. Мы уже не раз говорили, что в школах не приучают думать о будущем. А ведь без мысли о будущем человек будет как бы слепым. Ослепшие видели прошлое для них и уже не увидят будущего своего. Всякая слепота должна быть извергнута лучшими медицинскими воздействиями.

Бывает и так, что люди как бы готовятся к будущему, но когда наступают признаки его, то их не опознают. Бывает, давно сказано, что придет вестник, но когда он приходит, то его не признают. От этого самые нужные и спешные письма могут попасть в руки злоумышленные.

Такие неопознания, в конце концов, тоже заложены в промедлении. Само слово промедление достаточно говорит, что нечто было промедлено, иначе говоря – опоздало. Можно опоздать положить яйца под курицу, и тогда не нужно удивляться, что цыплята не произойдут. Пример яйца очень убедителен, ибо в нем уже готовы все элементы для следующей эволюции. И от простого промедления или от неосторожной забывчивости нечто предусмотренное и готовое предаться тлению. Разве имеет кто-нибудь право по недобросовестности породить тление?

Речение Петра Великого действительно и уместное, и великое речение. Стоит вспомнить его собственную жизнь и работу неустанную, чтобы понять, сколько вожжей правитель умел держать в своих руках одновременно. Есть люди, которые умеют держать в руке несколько вожжей, а другие, не развив в себе это умение, с трудом удерживают и одну. Какой же будет возница с одною вожжою в руке? Такие сравнения были бы смехотворны, если бы подчас они не являлись такими скорбными.

Не следует думать, что все природное уже имеется в готовом, обработанном виде. Ведь все нужно воспитать и испытать. При этом испытания не могут быть случайными, они должны быть встречены в полном сознании, с полной готовностью и разумностью.

Такая готовность и зоркость уже упасет от промедления. Разве в полете метеора может быть промедление? Разве орбита светил могла бы допустить промедление?

"Промедление смерти подобно".

* * *

"Не оставляйте мед слишком долго открытым".

Тоже речение о промедлении. Каждый испытал на себе, как может изменяться вся судьба его от минутного запоздания. Сказано: "Преждевременность судима, а опоздание уже осуждено". И в этом старинном речении выражено тоже предупреждение о своевременности.

Опять-таки, нужно ли повторять всякие старинные предупреждения? Ведь они так древни, так много веков они предупреждали людей. И предупреждали, и просили, и доказывали их же собственную пользу. И тем не менее маленькие привычки быта яростно противостояли всем благим поучениям. На каждый добрый совет изобреталось извинение.

Наши дни приносят всевозможные ускорения. Но все эти призывы на быстроту еще не значат, что великие речения о промедлении делаются уже ненужными. Можно пропустить срок, и тогда уже никакая быстрота не поможет. Наоборот, каждая запоздалая быстрота вызовет лишь глубокое прискорбие.

Что-то уже сложенное и нуждающееся лишь в последнем толчке замерло в искусственной обстановке. А что же может быть неестественнее, нежели зрелище человека, остановившегося на одной ноге? Нельзя устоять на одной ноге долго. Нельзя и проехать на одной вожже, особенно же, если и она некрепко будет держаться.

Как бы сделать так, чтобы уговорить опрометчивых о том, что промедление опасно прежде всего для них самих же. Ведь они думают, что пусть кто-то подождет, но они непременно забудут о том, что такое ожидание будет стоить им самим слишком дорого. "Промедление смерти подобно".

1935

ПОРАДУЕМСЯ

Чему бы такому порадоваться? Не успеешь усмотреть радость, как она превращается в новую заботу. Не успеешь почувствовать победу, как она обращается в новый поход. Кто-то бы сказал, просто беда.

Но какая же такая беда, когда это есть жизнь. Стоит вспомнить целый ряд деятелей времен итальянского Возрождения и удивиться остроте волн и вниз и вверх взмывающих. Сама пена является только знаком нового накопления. Именно среди этих сильных характеров можно наблюдать, до какой степени остро соприкасались между собою величайшие их напряжения и происшедшие за ними величайшие достижения.

Лишь в школе жизни, когда никто, казалось бы, не печётся о достижениях этих деятелей возрождения, опять выковывались необыкновенные возможности. Сейчас мысленно вспоминаю несколько определенных примеров, и вместе с их биографами можно удивляться, каким образом могли создаваться новые решения и возможности, когда, казалось бы, никакого пути уже не было.

Так могло казаться с узкой земной точки зрения. Но у этих сильных мыслью и делом людей путь всегда находился. Находился этот путь в необыкновенной новизне и неожиданности. Уже тогда, при несовершенных путях сообщения, были слагаемы пути заморские и загорные. Если кому-то теперь кажется что-то невероятно трудным, то насколько труднее это было когда-то тогда, когда оставалось столько пугающе неизвестного.

Так же, как теперь, тогда отмирали целые города и страны, а сильные духом продолжали свою славную одиссею. Какую же одиссею нужно почитать теперешним людям, чтобы и среди забот все же порадоваться. И порадоваться в полной вере, ибо без веры нет осуществления. Как же подойдут они без веры к высокому и мощному, одно приближение к которому уже может и наполнять трепетом? А в вере – все легко. Ведь вера есть, попросту говоря, знание.

И вот по вере, по знанию видно, что можно радоваться. Можно радоваться постоянно новым путям, так же неисчислимым, как неисчислимы светила небесные. Разве только случай приводит к нахождению новых путей? Именно не случай, ибо и случая-то почти не бывает, но всегда идет пришествие новых, уже когда-то сложенных возможностей.

Если кто говорит, что дальше так нельзя, то именно в этом "так" он лишь останется правым. Так нельзя, но иначе можно. Для этого "иначе" соберем всю нашу память, очистимся от ненужной ветоши и попробуем посмотреть глазом новым.

Ведь для обычного жильца место представляется изжитым, но стоит прийти к тому же месту новому человеку, и он найдет в нем новые рудники и новые горизонты. Ибо посмотрит он глазом новым. Вот в этом-то постоянном обновлении, в возможности такого появления и будет заключаться неиссякаемая радость. Если же мы знаем, что этот источник неиссякаем и может быть замутнен лишь нами самими, то, преодолевая себя, мы опять приобщимся к вечным святыням восхождений.

Если кому-то почему-то очень грустно или смутно, то пусть он напомним себе сознательно и повелительно о том, что радость возможна, что она есть и будет. Кто-то назвал такое утверждение "заклинанием радости". Может быть, это недалеко от истины. Если вы чего-то хотите – вы должны об этом думать и вы должны магнитом сердца привлечь это. Когда вы скажете себе "порадуемся", – это никогда не будет отвлеченным бессмыслием, но будет

лекарством особым и мудрым. "Радость есть особая мудрость".

1935

БУДУЩЕЕ

Удивительно, как бесследно проваливаются многие подробности прошлой жизни. Исчезают так начисто, словно бы никогда их и не было, Иногда Е.И. помянет такое, о котором у меня нет и следа. Даже многие болезни мои стерлись.

Недавно, когда я опять проделывал полный "курс" старой знакомой инфлуэнцы, Е.И. вспомнила об ужасных головных болях, бывших у меня. Странно, что и боли можно совершенно забыть. Может быть, всегдашнее устремление к будущему стирало прошлое.

Может быть, мало кто вспоминает о прошлом, как Е.И. и я. Даже очень светлое, насыщенное делами прошлое проваливается перед ненасытным будущим. И в самые тяжелые часы мы реально жили для будущего. Самые трудные перестроения совершались без боли, ибо делалось это для будущего.

И с годами, когда, казалось бы, горизонт будущего должен бы уменьшаться, та же самая необоримая воля к будущему вела неудержимо. В будущем – благо. В будущем – магнит. В будущем – реальность. Любите прошлое, когда оно вынырнет из нажитых глубин, но живите будущим. Со всею судьбою, и кармою, и мойрою, и кисметом¹ будущее притягательно.

"И это пройдет", – повторяет человек слова восточной мудрости, когда вступает в новые теснины. Именно пройдет, по закону эволюции. Мыслим о будущем не законами, но очарованиями будущих совершенствований. Твердыня Союза народов, еще не сложенная на земле, уже сияет в будущем. Не углубим подробности, ибо мысль о будущем должна быть прекрасна и не вместится в экономику сегодняшних будней.

Вот уже говорят о ненужности молоха – золота. Ценность труда – истинная ценность! Два десятка лет тому назад это казалось смешной утопией, а сейчас, в бедствиях, в грозе и молнии человек уже прошел и золотые теснины. И меч будет перековываться на плуг. И крылья вместо убийства и разрушения понесут знания и благо. Армагеддон пройдет. После грозного вихря и ливня воскреснет радость мирного труда. Здравствуй, будущее!

1940

1. Мойра и кисмет – судьба и предопределение

МОЛОДОМУ ДРУГУ

Мой молодой друг, вы спрашиваете о методах работы. Не терзайте себя методами, лишь бы вам вообще хотелось работать. Работайте каждый день. Непременно каждый день должно быть что-то сделано. По счастью, работа художника так многообразна, и в любом настроении можно сделать что-то полезное. Один день будет удачен для творчества. Другой – для технических выполнений. Третий – для эскизов. Четвертый – для собирания материала. Мало ли что понадобится для творчества! Главное – чтобы родник его не иссякал.

Если же начатое не понравится – отставьте. Не уничтожайте. Под настроением можно порешить и нечто пригодное. Пусть постоит у стены. Придет час, и этот осужденный изгнанник может понадобиться. Многооко восприятие. Вчера взглянулось одним оком, сегодня глаз увидел нечто неожиданное, а завтра покажется что-то совсем новое. Не судите сразу. Пусть в ходу будет несколько разных вещей. Одну отбросили, другую вытащили. Да и когда можем мы сказать, что вещь кончена? В конце концов она никогда не кончена. Лишь обстоятельства заставят расстаться с ней.

Главное, чтобы в саду художника росли многие виды растений. Не бойтесь постоянной работы. Напрасно сидеть у берега и ждать попутного вдохновения. Оно приходит мгновенно и неожиданно. И не знаете, какой луч света, или звук, или порыв ветра зажжет его. Всему – милости просим. Вода – на мельницу! Лишь бы колесо кружилось и жернова работали.

Колесо жизни. Или как индусы скажут: сантана – "поток жизни". И столько кругом чудесного, что не перестанете радоваться. И не постареете. И творчество будет постоянным отдыхом. Хорош удел художника! Так называемые муки творчества – самые сладкие муки. И не забивайте себя в безысходный угол.

Веселей любите труд. В самом несовершенстве работы заключен источник следующего творения. Кто знает, где самодовление и где импровизация? Одно рождается из другого. Вы же, как пчела, собирайте мед отовсюду. Будьте всегда сами собою. Поймите, что в творчестве нашем и отдых, и обновление, и радость.

Дайте радость и кому-то вам неведомому. Дать радость – это как увидеть восход солнца. Будьте проще и любите природу. Проще, проще! Вы творите не потому, что "нужда заставила". Поете, как вольная птица, не можете не петь. Помните, жаворонок над полями весною звенит в высоте! Рулите выше!

1940

ЧАЙКА

"И на завтра не надейся".

И все-таки верится и мечтается, и мечты останутся в вечной энергии. Здесь-то все изменится. От изображений самых прочных останутся осколки. Никто не представит себе, частью чего были неясные обломки. Но так, в высшем измерении все останется нетленно.

Чайки надежды летят перед ладьями искателей. "Чай, чай, примечай, куда чайки летят". Примечает народ полет чаек, полет надежд, чаяний. И почему не надеяться на завтра, на багряный восход, на красоту благодатную?! Полетят чайки прекрасные, и нет такого труда, впереди которого не могла бы лететь чайка.

Не одни же буревестники черкают перед кораблем. Много светлее их чайка, быстрая, путеводная. И на Волге, и на поморье, и на далеких океанах впереди вились чайки. Не остывали надежды-чаяния. От самых первых дней работы в мастерской реяло на проволоке чучело чайки. Хоть чучело, а все-таки мечта несломимого чаяния.

Неужели все бывшие битвы не сломили? Нет, не сломили. Вот же несколько не сломили. Елена Ивановна, увидав "Мстислава Удалого и Редедю" и "Пересвета с Челубеем", воскликнула: "Должно быть, ужасная война, если даже самый мирный человек изображает смертные поединки". Хочется оставить памятники народу русскому о всех мономах, о великих поединках за славу русской земли. Может быть, друг мозаичист каменно сложит эти памятники, молодежь еще раз вспомнит, о чем всегда нужно держать в сердце. Полетите, светлые чайки, к русскому народу.

Лоренцо Великолепный пел: "И на завтра не надейся!" Так пели останки, осколки. Но в грозе и в молнии народы живут лишь надеждою на завтра, на великий день умиротворения и достижений. "Мир – всему живущему", – заповедал, кто мыслил о завтрашнем восходе. Чайки не летели перед Великолепным, и он не вверял себя кораблю. А вот новгородские ушкуйники слагали песни о надеждах.

Там – конец, а наш путь – к началу. В вечном совершенствовании, в трудовом преуспевании и в радостном познании будем любоваться чайками-чаяниями. Будем любить чаек путеводных.

1942

ПОДВИГ

Оксфордский словарь узаконил некоторые русские слова, принятые теперь в мире: например, слова "Указ" и "Совет" упомянуты в этом словаре. Следовало добавить еще одно слово – непере译имое, многозначительное русское слово "Подвиг".

Как это ни странно, но ни один европейский язык не имеет слова хотя бы приблизительного значения. Говорят, что на тибетском языке имеется подобное выражение, и возможно, что среди шестидесяти тысяч китайских иероглифов найдется что-нибудь подобное, но европейские языки не имеют равнозначного этому древнему, характерному русскому выражению.

Героизм, возвещаемый трубными звуками, не в состоянии передать бессмертную, всезавершающую мысль, вложенную в русское слово "подвиг". "Героический поступок" – это не совсем то; "доблесть" – его не исчерпывает; "самоотречение" – опять-таки не то; "усовершенствование" – не достигает цели; "достижение" – имеет совсем другое значение, потому что подразумевает некое завершение, между тем как "подвиг" безграничен.

Соберите из разных языков ряд слов, означающих лучшие идеи продвижения, и ни одно из них не будет эквивалентно сжато, но точному русскому термину "подвиг". И как прекрасно это слово: оно означает больше, чем движение вперед, – это "подвиг"!

Бесконечная и неустанная работа на общее благо имеет результатом громадный прогресс – это и дало России ее великолепных героев. Великие дела совершаются без шума, они скромно творятся на пользу человечества.

Подвиг создает и накапливает добро, делает жизнь лучше, развивает гуманность. Неудивительно, что русский народ создал эту светлую, эту возвышенную концепцию. Человек подвига берет на себя тяжкую ношу и несет ее добровольно. В этой готовности нет и тени эгоизма, есть только любовь к своему ближнему, ради которого герой сражается на всех тернистых путях. Он стойкий работник, он знает цену труду, он чувствует красоту действия в пылу труда, он готов приветствовать каждого помощника. Ласковость, дружелюбие, помощь угнетенному – вот характерные черты героя.

Подвиг не только можно обнаружить у вождей нации. Множество героев есть повсюду. Все они трудятся, все они вечно учатся и двигают вперед истинную культуру.

"Подвиг" означает движение, проворство, терпение и знание, знание, знание. И если иностранные словари содержат слова "Указ" и "Совет", то они обязательно должны включить лучшее русское слово "Подвиг".

Волнением весь расцветенный,
мальчик принес весть благовую.
О том, что пойдут все на гору.
О сдвиге народа велели сказать.
Добрая весть, но, мой милый
маленький вестник, скорей
слово одно замени.
Когда ты дальше пойдешь,
ты назовешь твою светлую
новость не сдвигом,
но скажешь ты:
"Подвиг!"

К БУДУЩЕМУ

Декарт, Паскаль, Мольер не были включены во Французскую Академию. Не были признаны "бессмертными" в кавычках. Беру пример из множества ему подобных в разных странах. Все эти заметки для будущего. А вот одумаются и захотят мыслить по справедливости, хоть по самой убогой справедливости. Мировой пересмотр должен помаленьку совершаться. Говорю не о политическом "шапочном разборе" – он уже много где дает себя чувствовать, даже не дожидаясь конца войны. Вероятно, он будет не менее жесток и кровожаден, нежели бомбы. "Человеческое слишком человеческое!"

Люди должны помыслить о культурных перестроениях, об истинном просвещении, о биологической нравственности. "Гуд тайм" и джаз еще не наставники. Рассказывали, что в предвоенное время нацистские студенты являлись на экзамены с револьвером, угрожая несговорчивому профессору. Рассказывал это сам профессор, человек достоверный. Может быть, и в иных странах бывали всякие подобные насилия. Когда культура шатается, тогда можно ждать всевозможных уродств. Пусть будут эти язвы вскрыты, чтобы при дальнейших построениях избежать таких античеловеческих проклятий. Довольно крови, довольно человеконенавистничества!

Только от школы, от семьи могут быть услышаны эти спешные зовы. Пусть они будут не только гласом в пустыне, но приказом набатным. Много говорилось о разных вандализмах, но вандалы и вандалчики и в ус не дуют и продолжают свое скверное дело, дикое. Мне приходилось видеть пожимание плечей, мол, довольно о вандализмах. Ну, сказал и довольно. Нет, миленькие, вовсе не довольно. Красный Крест культуры вовсе еще не осознан. Синодик зверских вандализмов растет и даже, страшно сказать, очень умножается. В основе гнездится невежество. Ведь оно может жить и во фраке с орденами. Доживет ли человечество, когда военные бюджеты будут перечислены на просвещение?!